

Елена Викентьевна
Трепетова
**Путешественник
и домосед**

2020

**Елена Викентьевна
Трепетова**

**ПУТЕШЕСТВЕННИК
И ДОМОСЕД**

Паровая типолиитографія А. А. Лапудева

Москва

Георгіевскій переулокъ, домъ 19

2020

Елена Викентьевна Трепетова

Елена Викентьевна Трепетова. Путешественник и домосед.
— Москва, Паровая типолитография А.А.Лапудева, 2020 — 123 с.,
илл.

Подборка материалов от главного русского буссенароведа.

Настоящая публикация преследует исключительно культурно-образовательные цели и не предназначена для какого-либо коммерческого воспроизведения, извлечения прибыли и т. п. Все материалы получены из открытых источников.

© А. А. Лапудев, состав, 2020

Жизнь Луи Буссенара, путешественника и домоседа

Кто такой Луи Буссенар? «Жюлем Верном из Луаре» назвал нашего героя автор первой биографической статьи о нём, Филипп Режибье (1966). «При жизни его именовали французским Райдером Хаггардом», — услужливо подсказывает нам Википедия, тиражируя ни на чём не основанное заблуждение: никто в то время этих писателей не сравнивал. Да и вообще, Буссенар не является чьей-то копией. Он сам по себе, единственный и неповторимый!

При жизни он снискал прочную славу у себя на родине. Эта слава достигла апогея в двадцатые–тридцатые годы XX века, однако после Второй мировой войны его имя было пол-

ностью забыто французским читателем и едва знакомо даже специалистам. В последние же годы он время от времени упоминается в литературоведческих работах, теперь как «путешественник из Боса», по названию исследования Тьерри Шеврие (1997), заново открывшего Луи Буссенара для родной страны.

Русские же читатели, которые, в отличие от французов, знакомы с творчеством Буссенара не понаслышке, нередко сетуют на скудость сведений о жизни писателя. Но, к сожалению, более полувека забвения, традиционное отсутствие интереса серьёзных исследователей к «окололитературным жанрам», наконец, завещание писателя, распорядившегося сжечь все свои рукописи и личные бумаги, сделали своё дело. В итоге в его биографии по-прежнему немало пробелов, а образ Буссенара-человека можно представить только по воспоминаниям односельчан, записанным в 1960-е годы первыми биографами.

Итак, малая родина Луи Буссенара — историческая область Бос, что к юго-западу от Парижа, совершенно плоская и почти безлесная, но плодородная равнина, «житница Франции», расстилающаяся с севера на юг примерно от Ментенона до Орлеана, с запада на восток от Шатодёна до Мальзерба.

Будущий мастер авантюрного романа родился 4 октября 1847 года в деревне Экренн (именно так местные жители произносят название Escrennes), расположенной на речке Эф (верховье Эссонны) в кантоне Питивье департамента Луаре. Совершенно унылый босский пейзаж (бескрайние поля, засеянные пшеницей и картофелем) издревле пробуждал у местных уроженцев непонятную тоску по иным, неведомым краям, где текут полноводные реки, бушуют моря, вздымаются ледяные горные вершины, а дремучие, непроходимые леса населены страшными зверями...

Буссенар был незаконнорождённым ребёнком. Луи-Антуан Буссенар (1794-1855), управляющий экреннским замком, сборщик коммунальных налогов, вдовец, и Элоиза-Анриетта Ланс (1826-1932), молодая кастелянша и горничная замка, дочь сельского ткача, официально признали сына только через год после рождения. Именно тогда бесфамиль-

ный Анри-Луи-Франсуа-Илер стал Буссенаром. В 1850 году его родители поженились, узаконив наследника. С детства его называли только вторым именем — Луи, в честь деда-монаха, возвращённого к гражданской жизни Французской революцией, присягнувшего Республике, вступившего в брак и служившего впоследствии на муниципальных выборных должностях.

Овдовев в 1855 году, Элоиза одна была вынуждена воспитывать двоих сыновей (Луи было 8 лет, его младшему брату Антуану — пять).

В школе Экренна юный Луи Буссенар отличался умом, усердием в учёбе, и при этом гордым и строптивым характером. В частной школе Антуана Борьё (город Питивье) будущий писатель получил классическое среднее образование, в 1865 году успешно сдал экзамен на бакалавра по филологии, открывавший путь к высшему образованию. Решив стать врачом, Буссенар записался на медицинский факультет Парижского университета, затем продолжил учёбу в Страсбурге (столице Эльзаса). С молодых лет его излюбленным досугом была охота: приезжая в родную деревню на каникулы, он любил бродить по босеронским полям с ружьём и собакой.

Учёба была прервана франко-прусской войной, объявленной 19 июля 1870 года. Как и многие студенты медицинского факультета Страсбургского университета, пламенный патриот Буссенар в самые первые дни оказался в рядах французской армии, в должности помощника военврача. 4 августа прусские войска перешли границу, вторгшись в Эльзас, и уже в первых битвах, под Висамбуром и Решоффеном, Буссенар оказывал медицинскую помощь раненым солдатам. Разгром следовал за разгромом. Отступив в составе действующей армии к Парижу, Буссенар стойчески переносит суровые испытания осады, лишения и голод, огонь артиллерийских обстрелов. Во время героической и безуспешной попытки французов прорвать блокаду при Шампиньи в ночь с 1 на 2 декабря 1870 года военный фельдшер Буссенар получил пулевое ранение. Горечь поражения, боль от утраты Эльзаса и Лотарингии на всю жизнь останутся в его сердце, к воспоминаниям о войне он не раз вернётся в своём творчестве:

«В тот день, когда родине вновь потребуется наша кровь, по первому же сигналу тревоги мы будем здесь; мы — мирные жители, мы проклинаем войну и её ужасы. Мы никогда не нападём первыми, но пусть никто и никогда не угрожает Франции и Республике!» (из статьи 1878 года).

Сведения о послевоенных годах жизни Буссенара скудны и обрывочны. По мнению биографов, он продолжил обучение в Париже. Мы не знаем, насколько он продвинулся в изучении медицины, однако совершенно точно известно: дипломированным врачом (доктором медицины) Буссенар так и не стал. После недолгой врачебной практики в Экренне он решает порвать с профессией, едет в столицу и пробует себя на журналистском поприще.

Дебют начинающего литератора был исключительно ярким: 1 августа 1875 года воскресное приложение к известнейшей газете «Фигаро» печатает рассказ Луи Буссенара «Охота в Австралии», в котором автор от первого лица обстоятельно повествует об облаве на гигантского кенгуру.

Закономерен вопрос: действительно ли наш недоучившийся медик успел недавно побывать у антиподов, или всё это чистой воды выдумка? Увы! Наука бессильна дать точный ответ. Несмотря на многочисленные намёки в последующих статьях и романах писателя на его поездку в Южное полушарие, никаких конкретных подтверждений этим туманным заявлениям пока не найдено.

Между тем Буссенар медленно, но верно движется к успеху. В мае–июне 1876 года он публикует пять научных обозрений в газете «Корсер» (о мерах борьбы с наводнениями, о хохлатом попугае, о проекте создания внутреннего моря в Тунисе, о способах поиска обломков затонувших кораблей и о плотоядных растениях), а летом того же года забавляет читателей газеты «Эклипс» своими юмористическими рассказами с экзотическим антуражем («Барометр», «Изгнанник», «Чайник раджи», «Охотник»).

Вскоре научный обозреватель и юморист переqualифицируется в хроникёра, сотрудничает в газетах «Пёплль» и «Марсейез». А с апреля 1878 года недавно открывшийся еженедельник «Журналь де вуаяж» («Журнал путешествий и

приключений на суше и на море») начинает публиковать длинное повествование Луи Буссенара о путешествии «Через всю Австралию», подавая его как рассказ о реальных событиях (туда вошёл и эпизод об охоте на экзотическое сумчатое). И только когда сочинение выйдет отдельной книгой, под интригующим заголовком «Десять миллионов Красного Опосума» (1879), станет окончательно ясно, что это не документальный труд, а приключенческий роман. Дебютный роман Луи Буссенара!

С осени 1878-го до конца 1879 года Буссенар — репортёр газеты «Пти Паризьен», он пишет о Всемирной выставке в Париже, о снежных заносах, о годовщинах трагических событий франко-прусской войны, публикует лирические и юмористические зарисовки из парижской жизни, освещает громкие уголовные дела, с запалом обличает злоупотребления духовенства.

«Жизнерадостный журналист с исследовательской жилкой, равнодушный к нуждам низших классов, гурман, человек, чутко откликающийся на капризы погоды и на поэзию окружающей среды, обозреватель, переходящий от безудержного юмора к беспощадному сарказму, когда речь заходит о Церкви, репортёр, который с захватывающим интересом следит из зала суда за спектаклем, каковым являются преступление и его кровавое наказание, наконец, человек, способный содрогаться и скорбеть при воспоминаниях об ужасах войны» — таков, согласно Шеврие, Луи Буссенар конца семидесятых годов.

Его заметки в газете «Жюстик», где он с начала 1880 года ведёт раздел происшествий, гораздо жёстче: кровавые убийства, разбойные нападения, кражи, несчастные случаи, самоубийства, взрывы, аварии, природные катастрофы — всё самое страшное, что случилось за последние дни в Париже и в мире, со скрупулёзными подробностями описывает в своей рубрике Буссенар, повергая читателей в ужас и трепет.

А параллельно с этим «Журналь де вуаяж» неспешно публикует второй роман писателя — «Путешествие парижского гамена вокруг света» (1879-1880), который принесёт автору оглушительный успех. Семнадцатилетний парижский

беспризорник Фрике, шпана, неуч, балагур и весельчак, решивший, вслед за Филеасом Фоггом, обогнуть земной шар, немедленно завоёвывает сердца юных читателей, став близким другом даже для самых бедных, таких же гаврошей, как и он! В восьмидесятые годы Буссенар «отправит» полюбившегося читателям героя в Океанию, затем в страну львов (Сьерра-Леоне), страну тигров (Бирму), страну бизонов (Северную Америку), а в начале XX века приключения Фрике продолжит его сын Тотор.

В качестве поощрения за успех «Журнал путешествий», главной звездой которого Буссенар останется на протяжении 32 лет, до конца своей жизни, субсидирует его поездку в Гвиану (6 августа 1880 — 31 января 1881 года), поддержанную и на официальном уровне — министерством народного просвещения.

Буссенар проводит у экватора четыре месяца, углубляясь в джунгли, охотясь на диких зверей, исследуя русла рек, ночуя в индейских и негритянских хижинах, встречаясь с золотоискателями и каторжниками, сочиняя заметки для «Журнала путешествий» и набрасывая свой новый роман, «Гвианские робинзоны», публикация которого стартует через два месяца после триумфального возвращения. Из Гвианы наш путешественник привёз предметы туземного быта, керамику, оружие (часть этой коллекции хранится в музее города Питивье), охотничьи трофеи, десятки рисунков и фотографий, тропические растения (украсившие сад его родного дома), документальные сведения и карты.

Эта командировка положила конец слухам об очередном «кабинетном путешественнике», черпающем сюжеты лишь из своего воображения. Отныне Буссенар — блестящий знаток Гвианы, которую он ещё не раз опишет в новых романах («Охотники за каучуком», «Борьба за жизнь», «Похождения Бамбоша», «Приключения маленького горбуна», «Железная Рука»), очерках и рассказах.

Итак, Буссенар добился славы и достатка. Его имя известно, а гонораров от публикаций романов отныне достаточно для безбедного существования. Чего ещё не хватает

отважному искателю приключений по законам авантюрного романа? Конечно же, невесты!

Но, оказывается, невеста у него уже есть и терпеливо ожидает его возвращения из-за океана! И вот 2 июня 1881 года в мэрии 17-го округа Парижа 33-летний писатель Луи Буссенар сочетается законным браком с 30-летней Розали Леша из города Монтаржи (тоже департамент Луаре).

Увы! Реальная жизнь не всегда складывается по законам приключенческого жанра. Этот брак не принёс Буссенару счастья. Супруги вскоре поссорились и расстались. Буссенар покидает Париж и поселяется в Экренне... где вскоре заводит новый роман, с младшей дочерью своей кормилицы. Муж кормилицы, земледелец Луи Делафуа, заменивший когда-то Буссенару рано ушедшего отца, пристрастивший его к охоте, умирает в сентябре 1882 года, и общая боль утраты сближает 35-летнего романиста и 19-летнюю Альбертину Делафуа. Масла в огонь добавило и то, что Делафуа стал первым в деревне, кто завещал похоронить себя без участия священника, а Буссенар, столичный антиклерикал, выступил председательствующим на первом гражданском погребении в Экренне. Похороны произвели огромный скандал, тень от которого не могла не пасть на вдову и четырёх дочерей.

Так или иначе, Луи и Альбертину связала крепкая любовь, и уже в следующем году они соединились. К сожалению, свадьба их состоялась только в 1909 году, когда суд наконец расторг брак Буссенара и Розали.

Молодая чета поселилась километрах в тридцати к северо-востоку от Экренна, в лесной деревушке Нанто-сюр-Эссон (близ города Мальзерба), в доме около деревенской площади, и приютила маленькую незаконнорождённую племянницу Альбертины, чьё детство было несчастливим.

Обретя семейное счастье, Буссенар больше не рвётся душой за тридевять земель. Недавний журналист и бесстрашный путешественник теперь ведёт размеренную жизнь босронского помещика-домоседа, посвящая жизнь литературному труду, охоте, рыбной ловле, встречам с друзьями и проводя зимние месяцы на средиземноморском побережье Франции.

Нам доподлинно известно только о двух его после-гвианских путешествиях — кратких охотничьих экспедициях в Марокко (1883) и Сьерра-Леоне (1884). Об этих поездках автор рассказывает в очерках «От Орлеана до Танжера» и «Смерть слона».

Примечательно, что в Сьерра-Леоне разворачивается действие первого романа из «охотничьей трилогии» — «Приключения в стране львов» (1885). А самое поразительное то, что образы всех трёх главных героев книги являются отчасти автобиографическими! Черты Буссенара мы легко усмотрим и в Андре Бреванне — босеронском охотнике, «удалившемся от дел», и в гамене Фрике, повторившем маршрут автора к верховьям реки Рокел, и даже в жандарме Барбантоне, сбежавшем на край света от жены-мегеры, зовут которую... Элоди Лера! Не правда ли, неслыханное созвучие с именем первой супруги Буссенара — Розали Леша? (В творчестве Буссенара немало подобных чудес...)

Успех романиста прочен, растут и доходы. В 1890-е годы писатель арендует довольно большое поместье с двухэтажным деревянным домом в швейцарском стиле в Вилльта-ре (маленькой деревне в составе коммуны Нанто-сюр-Эссон), а в начале 1900-х, сочтя этот дом слишком обременительным для содержания, перебирается в город Мальзерб, на улицу Капитана Лельевра (о котором пишет рассказ «Галльская кровь»). Наконец, последний год жизни Буссенара проходит в столице департамента Луаре, городе Орлеане.

Буссенар и Альбертина, которую он любовно называл «моя голубка», счастливо проживут вместе 27 лет, до скончания дней, и ничто не омрачит их безмятежных отношений. Буссенар пишет книги, Альбертина играет на фортепиано, переписывает рукописи новых романов, их нередко видят среди босеронских полей на двухместном велосипеде. Тесная дружба связывает Буссенара с семьями трёх сестёр Альбертины. У пары нет собственных детей, свою любовь они дарят многочисленным племянникам Альбертины...

А вот немногие сведения о личности и характере писателя.

Луи Буссенар был человеком прекрасного атлетического телосложения, ростом 1 м 92 см. Лицо его украшали борода и закрученные вверх усы.

Писателя часто встречали на улицах Экренна, иногда пешком, иногда на велосипеде, на tandeme (последней новинке того времени), иногда в забавном кабриолете, влекомом капризной маленькой лошадкой по кличке Гаспар.

Одевался он всегда элегантно и тщательно, хотя и не претендовал на роль «денди». Часто его видели экипированным для охоты: в забавной круглой шапочке с узкими полями, в костюме, немного напоминавшем охотничий наряд для сафари, в мягких болотных сапогах до середины бедра и со свистком, висящим на его бархатной блузе.

На одной из известных фотографий писатель изображён в своём кабинете, увешанном оружием, охотничьими трофеями и сувенирами, привезёнными из путешествий, в компании с вытянувшимся под столом верным псом.

Большой любитель поесть и поклонник хорошей кухни, «скромный бонвиван» Буссенар любил отведать у кого-нибудь из своих друзей-крестьян традиционного кролика в собственном соку, запивая его «неблагородным» вином гримёнье из наполненного до краёв стакана. Обожал он и фруктовые пироги. Местные жители любили его, потому что он был «без выкрутасов», добрый, простой и никогда не изменял своим скромным привычкам. Несмотря на своё положение популярного писателя и известность в столице, он не гнушался зайти пропустить стаканчик в деревенский кабачок и, возвышаясь над остальными посетителями, чиркал о потолочную балку пороховой спичкой, чтобы разжечь трубку.

Любитель военной и духовой музыки, Буссенар с удовольствием посещал музыкальные конкурсы, а перед смертью завещал тысячу франков ансамблю экреннских трубачей, почётным президентом которого являлся.

Полученное образование позволяло ему работать сельским врачом, и он охотно соглашался дать консультацию, принимая в качестве оплаты лишь стаканчик вина и дружеское рукопожатие. Однажды в сельском доме, куда он был вызван, Буссенар не смог выписать рецепта, поскольку не

нашлось ни единого клочка бумаги. Тогда он начертил своё предписание мелом на ставне, который потом пришлось отнести аптекарю!

Буссенар был импульсивен, иногда даже впадал в ярость. Оттого некоторые считали его неприятным, гордым и высокомерным. Без сомнения, он был неприветлив с теми, кого не любил, но эта резкость, иногда приводившая собеседника в замешательство, скрывала природную доброту, которая распространялась на всех, кто хорошо его знал. По словам одного из друзей Буссенара, он всегда «протягивал руку для подаяния или рукопожатия».

Типичный житель Боса, писатель был связан с родным краем долгой и надёжной дружбой. Он всегда делился с друзьями своей заразительной весёлостью. Прекрасный рассказчик, Буссенар любил шутку и меткое красочное словцо, говорил чётко и громко, размахивая руками тем шире, чем больше людей фигурировало в его рассказе.

Буссенар оставил весьма богатое литературное наследие: 41 роман, рассказы и документальные сочинения. 24 романа — это «классика жанра», невероятные и опасные приключения благородных французов в экзотических уголках земного шара. Восемь романов можно назвать военно-приключенческими, пять — социально-авантюжными и четыре — научно-фантастическими.

Среди документальных сочинений отметим прежде всего увлекательный трактат «Охота для всех», четыре тома очерков «Приключения знаменитых первопроходцев» и «Письма крестьянина» — 220 статей в местном еженедельнике «Гатине» (выходившем в Монтаржи, Питивье и Этампе), которые Буссенар сочинял на босеронском диалекте, представляясь «крестьянином Франсуа Девином». Скрываясь за этим провокационным псевдонимом («Devine» — «угадай!»), последние восемь лет жизни он в насмешливом, шутовском тоне выражал свои взгляды на общество, политику, религию, освещал проблемы сельской жизни провинции Орлеане, ставя себе целью расшевелить ум крестьян, показать простому народу, как его грабят богачи и надувает духовенство. «Письма» производят политический и религиозный скандал,

повлѣкший за собой ряд расследований, направленных на установление личности автора.

Конец писателя был трагическим. В июне 1910 года, в возрасте 47 лет, внезапно заболевает и умирает его любимая жена Альбертина. Сломленный невыносимым горем, этот могучий атлет не в силах сопротивляться тоске и обострившейся болезни...

«Моя кузина, чьи доброта и самоотверженность безграничны, останется со мной столько, сколько будет нужно, пока мучительная скорбь не перестанет терзать меня. Увы, это надолго! Ибо если телу моему лучше, то душа неисцелимо больна. Я по-прежнему безутешен, у меня бывают ужасные приступы горя. Страдание отныне мой удел. И я буду страдать, безутешно рыдая о любимой жене, которую я потерял» (из письма от 14 июля 1910 года).

Луи Буссенар пережил супругу меньше чем на три месяца. На 8 сентября ему была назначена срочная хирургическая операция. Врач по образованию, он не возлагал на её исход радужных надежд, поэтому за несколько дней собственноручно составил завещание (разделив наследство поровну между двоюродной сестрой и тремя свояченицами) и даже текст извещения о смерти. На другой день после операции, 9 сентября, писатель скончался.

Следуя его распоряжениям, похоронная служба напечатала в типографии и разослала его друзьям следующее письмо, которое произвело эффект разорвавшейся бомбы:

«Луи Буссенар, писатель, имеет честь пригласить вас на свои гражданские похороны, которые состоятся в Экренне (Луаре) в понедельник, 12 сентября 1910 года, в час с четвертью.

Безутешный после смерти своей жены, он уходит на шестьдесят третьем году жизни, в скорби, которую ничто не смогло смягчить.

Он посылает своим многочисленным друзьям и преданным читателям последнее напоминание о себе.

Подходите к дому умершего, № 75 на бульваре де Шатодён в Орлеане, ровно пол-одинадцатого, чтобы присоединиться к траурной процессии, которая проследует к вок-

залу и отправится в 12 часов 1 минуту (поездом на Мальзерб, до станции Экренн)».

Некоторые парижские газеты, перепечатавшие этот невероятный текст, немедленно заявили о самоубийстве. Однако друзья романиста, знавшие о его длительной и тяжёлой болезни, понимали, что это письмо — акт мужества, любви... а также пропаганды гражданских похорон. Даже в смерти Буссенар оставался писателем, любящим супругом и яростным антиклерикалом.

Романист был погребён рядом с Альбертиной на кладбище их родной деревни. Его мать, Элоиза Ланс, дожила почти до 106 лет, пережив всех своих родных...

Данная статья была впервые опубликована в книге: Луи Буссенар. Охотничья трилогия. Романы. — М.: Лекстор, 2017. — С. 4-14.

Смерть Луи Буссенара Шумиха спустя столетие

В сентябре 2010 года исполнилось 100 лет со дня смерти Луи Буссенара. За истёкший век имя писателя прочно забыто во Франции, однако в России не одно поколение читателей выросло на книгах «Похитители бриллиантов» и «Капитан Сорви-Голова», затем, в начале 1990-х годов, все его романы были переизданы, а теперь к тому же общедоступны в электронном виде. И кто бы мог подумать, что именно у нас, где Буссенара так любят, на заре XXI века внезапно всплывёт и пышно разрастётся эта позорная сплетня о том,

что французский классик приключенческой литературы покончил жизнь самоубийством!

Сведения о жизни писателя, выложенные в Сети, весьма скудные, отчего же в вопросе его смерти Рунет проявляет столь подозрительную осведомлённость? Практически ежедневно очередной блогер сладострастно передирает в свой дневник заветный список «Самые известные самоубийцы в истории» (его длина и название могут варьироваться), в котором «почётное место» отведено Буссенару:

«Луи Буссенар. Ушёл благородным способом (1910) — уморил себя голодом. Друзьям он разослал письма: “Луи Буссенар имеет честь пригласить Вас на его гражданскую панихиду, которая состоится (по такому-то адресу). Не в силах пережить смерть своей жены, он уходит на шестьдесят третьем году жизни”».

Откуда такие шокирующие данные? Откуда эта безапелляционная уверенность?! Когда и кем была запущена в Сеть эта сплетня?

Впервые список самоубийц появляется в русскоязычных блогах в 2005 году, а с 2007 года цитирование лавинообразно нарастает. Сейчас поисковик выдаёт ссылки на несколько тысяч страничек. А источником информации явилось большое документальное исследование Григория Чхартишвили «Писатель и самоубийство», которое впервые было опубликовано в 1999 году, затем выложено в интернет-библиотеках, переиздано в 2008-м. Буссенар упоминается там и в «общей части», и в «особенной», так называемой «Энциклопедии литературицида», которая представляет собой список из трёх с половиной сотен литераторов, с описанием мотива, способа, иных обстоятельств их добровольного ухода из жизни.

Нетрудно представить реакцию читателя, случайно или по причине нездорового интереса открывшего эту «Энциклопедию». Он лениво пробегает глазами первые две буквы алфавита — а это более полусотни имён! — и ни одно из них ему ничего не говорит. Скукота! И вдруг в конце буквы «Б» — БУССЕНАР! Ах! Вот это да! Вот это сенсация!!! И имя несчастного писателя немедленно попадает в «шорт-листы»

знаменитых самоубийц, в тексты песен и повестей суицидальной тематики, в задания для эрудитов...

И теперь представьте себе весь ужас, всю глубину нравственного потрясения интернет-пользователя, который никогда в жизни не интересовался вопросами самоубийства, но для которого Луи Буссенар, чьё имя введено им в поисковике, — ярчайшее воспоминание юности! Для которого творчество Буссенара — это учебник оптимизма, радости, мужества, бескорыстия, человечности. Но если так, то неожиданное известие о самоубийстве писателя мгновенно перечёркивает всю этическую ценность его наследия...

Но если это такой неоспоримый факт, почему об этом не говорится в биографических справках? Почему об этом нет ни слова в иноязычной Сети?.. Впрочем, полтора упоминания обнаружить всё же удалось.

Справедливости ради следует признать, что Г. Чхартишвили (Б. Акунин) не сам придумал самоубийство Буссенара. Почти слово в слово эта версия излагается в «Суицидологе — словаре знаменитых самоубийц» («Le suicidologue: dictionnaire des suicides celebres», 1997, авторы Франсуа де Негрони, Коринн Монсель, стр. 83): «Этот галантный человек, бонвиван и любитель путешествий, о которых он рассказывает в своих книгах для юношества или популярной прессе, придумывает способ, как умереть: будучи не в состоянии жить без своей жены, недавно скончавшейся, он отсылает своим друзьям извещение о своей смерти и погибает от добровольного истощения 11 сентября 1910 года. Там можно было прочесть...»

Ну, а эти-то авторы на что опирались?

Ну, предположим, на книгу некоего Альбера Байе «Le suicide et la morale» (1922), в которой, уже без указания способа, приводится текст того же письма, «отправленного романистом лично». Данные там исключительно небрежны: год смерти писателя перевертан, а в сноске в качестве первоисточников указаны две парижские газеты. Нечего сказать, источники, заслуживающие самого полного доверия!

При сопоставлении трёх документов бросается в глаза следующая деталь: в более поздних источниках цитата из письма укорачивается, но главное, во всех трёх пропущено

одно и то же слово — «писатель» (см. полный текст ниже). То есть заимствование легко прослеживается: Байе — Негрони-Монсель — Чхартишвили (ну, может, что-то пропущено, не всё же есть в Интернете).

Да! Сплетня идёт «из века в век» по линии суицидологии! Естественно, специалистам в этой области недосуг проверять факты! Только на Западе эта версия так и не вышла за пределы узкоспециализированных книг, а у нас ведь что Луи Буссенар, что Борис Акунин — это имена. И как результат — информационный взрыв, сенсация в Интернете!

И хоть бы какой юзер пикнул, хоть бы один крикнул: «не верю»!

Пора, наконец, обратиться к трудам филологов, специально изучавших жизнь и творчество Буссенара, в отличие от авторов компилятивных по сути исследований «по вопросам теории и практики самоубийства»!

Сразу скажем, что из филологов же за самоубийство ратует лишь некий Жак Ван Эрп (в статье о Буссенаре, опубликованной в «Les Cahiers des para-litteratures», № 2, 1987, с. 213-218), преподнося эту версию едва ли не как своё открытие, которое он выводит — подумать только! — из творчества писателя!

Более в западном Интернете вы ничего «суицидально-го» не найдёте.

Зато можно найти ссылки на серьёзные библиографические работы. И самой полной и значительной все единодушно называют монографию Тьерри Шеврие «Le globe-trotter de la Beauce», 1997.

В Сети её нет, но зато это исследование («Путешественник из провинции Бос») переведено на русский язык и опубликовано в 2001 году издательством «Ладомир» в качестве предисловия (с. 5-174) к дополнительному тому собрания романов Л. Буссенара, включившему рассказ «Галльская кровь» и романы «Ледяной ад», «Без гроша в кармане».

Правда, никакого опровержения версии самоубийства Шеврие в своей работе не даёт. Ибо он вообще таковую не озвучивает (нельзя же рассматривать всерьёз упоминание о предположениях «Журналь дю Луаре»!). Даже не цитирует

достославного письма Буссенара с приглашением на собственные похороны. Сначала это разочаровывает и обескураживает, но потом внезапно понимаешь: Шеврие писал своё исследование о писателе, имя которого абсолютно ничего не говорит современному французу! Ему не с кем бороться, не надо никому ничего доказывать! Его цель — открыть Франции незнакомое ей имя. А само повествование о последних неделях жизни Буссенара, трагическое, проиллюстрированное волнующими письмами, ну никак не может натолкнуть неискущённого читателя на мысль: «а не была ли эта смерть добровольной?!» Разве мог Шеврие предположить, что в самом скором времени, с подачи некоего российского беллетриста, вся Россия будет знать наверняка, что Буссенар — самоубийца?!

Поэтому для начала («с целью опровержения») процитируем заключительные строки из небольшого очерка того же Тьеры Шеврие, с тем же названием, опубликованного в журнале «Rosambole» (бюллетене Общества друзей популярного романа), № 32, 2005 год, с. 21-32:

«Буссенар <...> после первого неудачного брака пережил всеобъемлющую и долгую любовную страсть с Альбертиной Делафуа, которую встретил в 1882 году на гражданских похоронах (ему было 35 лет, ей только 19). Живя вместе с 1883 года, они всё разделяют с усердием и любовью: их даже увидят рассекающими босеронские поля на двухместном велосипеде! Эта привязанность столь сильна, что Буссенар, раздавленный горем после смерти жены (22 июня 1910 года), переживёт её только на одиннадцать недель! Он угаснет 9 сентября 1910 года, позаботившись о том, чтобы самому составить уведомление о своей смерти. Потому что он, будучи врачом, прекрасно знал действительное состояние своего здоровья, а не потому (как то решили биографы со слишком богатым воображением), что он покончил с собой, как Сальгари».

Вот какова общепризнанная во французской филологии версия смерти Луи Буссенара.

А теперь поподробнее. Отрицательно относясь к «некрофильским» тенденциям российских СМИ, любящих

смачно, в деталях освещать обстоятельства смерти известных людей, мы, тем не менее, вынуждены «последовать их примеру», дабы правдой победить гнусную ложь, раз уж таковая столь широко растиражирована.

Итак, последние десятилетия своей жизни Буссенар жил в сельской местности, в родном департаменте Луаре (в Мальзербе и его окрестностях, последний год — в Орлеане), практически не бывая в Париже. Слухи о самоубийстве, появившиеся после его смерти в отдельных парижских газетах, основываются исключительно на двух фактах: 1) писатель очень любил жену и 2) полученное друзьями уведомление о смерти составлено от первого лица. И то и другое — правда, но этого явно недостаточно, чтобы обвинить его в совершении самоубийства.

Обратимся к исследованию Тьеры Шеврие, которому удалось раздобыть у наследников копии 40 писем писателя, включая написанные в последние месяцы жизни.

6 июня 1910 года внезапно заболевает супруга писателя, Альбертина. Болезнь страшна и скоротечна, уже через несколько дней не остаётся никаких сомнений в летальном исходе. Ужас и отчаяние сквозят во всех четырёх письмах, написанных в течение ближайших трёх недель. Вот одно из них:

(17 июня 1910 года)

«Сегодня двенадцатый день, и нет никаких улучшений. Бедная моя дорогая жена чувствует себя не хуже, но нельзя сказать, что ей лучше. Я держался до среды, день и ночь, самоотверженно и изо всех моих сил. <...> Жанна <племянница Альбертины> уезжает в воскресенье вечером. Ей нельзя оставаться дольше. Итак, я снова один, в моём большом доме, с моей возлюбленной подругой, такой больной, и моей собакой! Вы не можете себе вообразить, как ужасно это одиночество, без единого дружеского лица, без единого нежного слова. Несмотря на мою энергию и выдержку, я совсем пал духом. Тем более что я также болен и держусь на ногах лишь чудовищным усилием воли. Этой ночью у меня были су-

дороги и схватывало сердце, и в течение двух часов я жестоко страдал».

Ужасная смерть той, что в течение 27 лет была ему верной спутницей и поддерживала его во всех начинаниях, нанесла писателю смертельный удар. 23 июня он даже не может присутствовать на похоронах в Экренне (родная деревня Буссенара и Альбертины, в 34 км от Орлеана).

(9 июля 1910 года)

«Моя боль всё так же сильна, так же ужасна, так же неисцелима. Ничто не может меня ни утешить, ни просто отвлечь. Мне немного лучше, и я начал вставать. Но я ещё ужасно слаб. И ем также очень мало. Без вкуса и аппетита.

Я не сплю и воображаю, что моя дорогая подруга не умерла и находится рядом. Не знаю, когда смогу выйти. Врач запрещает мне даже выходить в сад. Не представляю, когда я смогу поехать повидать место, где покоится дорогой прах. Я не выхожу уже 34 дня! О! Как же я слаб и как ужасно обошлась со мной жизнь!»

А вот письмо в редакцию русского журнала «Природа и люди» (7 июля 1910 года), факсимиле приводится в многочисленных российских изданиях книг Буссенара:

«Высокочтимый мой собрат! Я понёс тяжёлую утрату, траурные дни были для меня такими жестокими, нестерпимыми, что я серьёзно заболел. Я уже две недели в постели и сегодня поднялся первый раз. Пользуясь таким моментом, спешу послать Вам это письмецо с благодарностью за любезность — посылку с Вашими публикациями. В данный момент я ещё очень болен и слишком слаб, чтобы составить для Вас автобиографическую заметку и написать статью о моих путешествиях и приключениях. Извините за краткость. Хочу выразить Вам моё самое глубокое почтение».

Я не знаю, у кого ещё рука сможет подняться усомниться в крайне тяжёлом состоянии здоровья писателя! Да, действительно, сущность болезни нам неведома, но ставить её факт под сомнение, выдумывать умышленный отказ от пищи как способ самоубийства — просто преступление!

Июль и август проходят без какого-либо улучшения. Из нескольких документов явствует, что всё это время подле писателя была его двоюродная сестра, Луиза Балло. Собственные медицинские познания (несколько лет учился в Париже на медицинском факультете) позволяют Буссенару следить за течением болезни. Четыре врача, собравшись у его изголовья, высказываются за хирургическое вмешательство. В письме редактору «Журнала путешествий» Леону Девезу Буссенар выражает уверенность в неизбежном конце. Текста письма у Шеврие нет, цитируем по очерку Жоржа Дюрана «Le romancier esrennois Louis Boussenard (1847-1910)» (Bulletin de la Societe archeologique et historique de l'Orleanais, № 58, 1981), стр. 24:

«Дорогой друг! Судьба совсем ожесточилась. Вчера был рецидив. Новое кровотечение. Консилиум четырёх врачей. Единодушие: нужна операция. Вещь серьёзная, но срочная. Меня оперируют в четверг утром в клинике доктора Байе на улице Кульмье. Я мужественно готовлюсь, но без особой надежды... потому что так надо!»

Перевезённый в клинику, писатель чувствует, что силы ему изменяют. 4 сентября 1910 года он составляет подробное завещание, в котором отписывает родственникам и друзьям своё имущество. Оно завершается словами: «Всё кончено. Приближается смерть. Это избавление! Я спешу соединиться с моей дорогой супругой и упокоиться подле неё, напротив могилы её родителей, которые нас так любили».

Сделав это, он вызывает служащего похоронного бюро и более часа обсуждает с ним детали своих похорон, а после слабеющей рукой составляет знаменитое извещение о смерти. Только даты и времени похорон в авторском тексте, конечно же, не было (в очерке Дюрана стоят многоточия), ибо уже по-

сле смерти писателя извещение было отпечатано типографским способом. 12 сентября 1910 года многочисленные парижские газеты опубликовали заметки идентичного содержания:

«Луи Буссенар, хорошо известный романист, автор «Кругосветного путешествия юного парижанина», только что скончался в глубокой депрессии. Перед смертью он сам составил и распорядился отпечатать следующее извещение:

“Луи Буссенар, писатель, имеет честь пригласить вас на свои гражданские похороны, которые состоятся в Экренне (департамент Луаре) в понедельник, 12 сентября 1910 года, в 13.15. Безутешный после смерти своей жены, он уходит на шестьдесят третьем году жизни, в скорби, которую ничто не смогло смягчить. Он посылает своим многочисленным друзьям и преданным читателям последнее напоминание о себе. Сбор у дома покойного (75, бульвар де Шатодён в Орлеане) в понедельник, 12 сентября 1910 года, строго в 10.30, чтобы сопроводить траурный кортеж до вокзала на поезд, отправляющийся в 12.01 (на Мальзерб, до станции Экренн)”».

Сознаюсь, что первое время, когда мне эта история была знакома лишь со слов Чхартишвили (а верить в самоубийство сердце отказывалось), составление этого документа мне представлялось некоей неуместной эксцентрической выходкой. Но на самом деле всё обстоит иначе. В Орлеане чета Буссенаров поселилась только летом 1909 года («как ужасно это одиночество, без единого дружеского лица...»). Детей у них не было. После смерти Альбертины из близких родственников оставалась только 83-летняя мать, жившая в Экренне, на которую и легли бы все траурные хлопоты. Желая избавиться её от этого, писатель, зная, что ему осталось жить несколько дней, как мог позаботился о том, чтобы самому сделать большинство конкретных распоряжений о судьбе имущества (мебель — продать с торгов, личные бумаги и рукописи — сжечь, авторские права передать издательству Галландье и т. д.), о погребении и уведомлении знакомых, в том

числе парижских. Однако эта забота истолковывается самым превратным образом: «...Сам решил, кто будет присутствовать на его похоронах», подчёркивает Чхартишвили. Да просто решать было больше некому!.. Отметим заодно, что его перевод («Не в силах пережить смерть своей жены, он уходит...») — утрирован. Скорее всего, акцент в письме сделан даже не безутешное горе, а на то, что ушедшая автору — именно жена. Ведь официальный брак Луи и Альбертина смогли заключить только за год до смерти...

Ещё одна трогательная деталь, отмечает Шеврие: будучи при смерти, Луи Буссенар выказывает искреннюю заботливость о своих друзьях: «Постарайтесь, чтобы меня не хоронили в воскресенье! — говорит он медсестре, которая ему помогает. — В воскресенье открытие охотничьего сезона, и мои друзья, чтобы прийти на похороны, пропустят его и не получат удовольствия...»

Отметим в заключение, что все биографы указывают в качестве даты смерти романиста 9 сентября (пятница, 11 часов утра), в то время как в энциклопедии неизвестным образом попало 11-е число. Эта ошибочная дата и даёт некоторым вроде Жака Ван Эрпа повод ставить под сомнение причину смерти (дескать, за одни сутки не смогли бы отпечатать и отправить извещение о смерти, значит, оно было разослано заранее, при жизни его автора и т. д.).

«Давно известно, что репортёрам, этим стоглазым Аргусам, довольно одной оплошности, одного промаха, сущего пустяка, и они, не щадя своей лужёной глотки, набросятся и пригвоздят любого к позорному столбу, сделав всеобщим посмешищем...»

(Л. Буссенар, «Тайны господина Синтеза»).

Действительно, ни в одном из десятков прочитанных мною некрологов дата смерти Буссенара не указана. После продолжительных поисков я нашла-таки некролог с датой (журнал «Мон бонёр», приложение к 51-му номеру, 2 октября 1910 года), и эта дата — 9 сентября 1910 года.

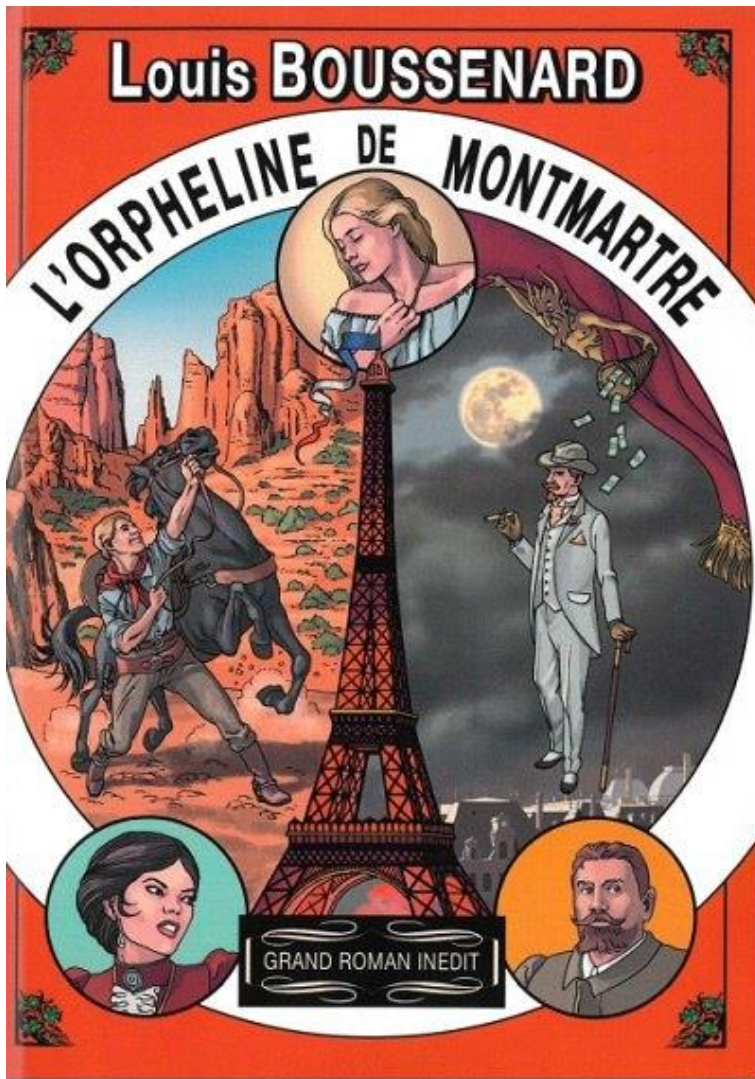
Безусловно, конец писателя был трагическим. Но и перед лицом смерти он проявил мужество, характерное для героев его книг. И самых резких слов заслуживают те, кто умышленно или по неведению ставит рядом с его именем слово «самоубийство».

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Статья была написана специально для сайта bussenar.info (ныне несуществующего) в октябре 2010 года. При публикации здесь я внесла в неё небольшие правки. Поиски продолжаются...

2. Только недавно выяснилось, что я совершенно необоснованно упрекнула Тьерри Шеврие в том, что он «не цитирует приглашение на похороны». В отсутствие этого краеугольного документа в книге следует винить переводчиков издательства «Ладомир». Во французском издании он, конечно же, имеется.

2012

**Как я нашла
«Монмартскую сироту»**

История литературы таит в себе немало загадок, но особенно много их в области так называемых «низких жанров», до коих редко снисходят серьёзные исследователи. Иногда нужны десятилетия или даже века, прежде чем филологи со скрипом включают в общую историю литературы то или иное имя, презируемое эстетам, но любимое миллионами простых читателей.

К примеру, Жюль Верн перешёл из разряда детского автора в ранг национального гения лишь в конце 1970-х годов, а прах Александра Дюма был перенесён в Пантеон в начале XXI века. Теперь о них пишут монографии, по их романам защищают диссертации. А исследование творчества их менее удачливых собратьев — по-прежнему удел увлечённых дилетантов.

Одна из них — я, причём дилетант в квадрате: литературовед-любитель и франкофон-самоучка, исследователь жизни и творчества Луи Буссенара (1847-1910). Его я открыла для себя в начале 90-х, когда на рынок хлынули десятки книг этого автора, пленивших меня опасными приключениями благородных французов в самых экзотических уголках земного шара.

В 2011 году мы с туляком Андреем Герасимовым сговорились написать книгу о Буссенаре. К тому моменту я уже знала то, о чём и помыслить не могла в юные годы: автор «Похитителей бриллиантов» полностью забыт у себя на родине, романы его не переиздавались во Франции с середины XX века, а его биограф — исследователь-энтузиаст Тьерри Шеврие, опубликовавший в 1997 году объёмное эссе о нём — больше не обращался к его творчеству... Какая несправедливость! Бедный Буссенар! Но раз так, почему бы этим не заняться нам, влюблённым в него русским? Тем более оцифровка старинных газет, журналов, генеалогических архивов идёт во Франции полным ходом, и каждый день в свободном доступе появляется какой-нибудь новый документ. И чтобы изучать жизнь и творчество Буссенара, вовсе не нужно ехать за границу!

С того момента жизнь моя превратилась в увлекательное приключение и череду головокружительных открытий.

Одни были случайны и неожиданны (к примеру, я откопала несколько неизвестных рассказов Буссенара), другие давались ценой долгих и напряжённых поисков. Таковой стала и история обретения потерянного романа Луи Буссенара «Монмартрская сирота».

Ситуация с этой книгой сложилась, действительно, интригующая. В 1911 году питерский издатель Пётр Сойкин выпустил 40-томное собрание сочинений Луи Буссенара, куда вошло 26 его романов, в том числе «Монмартрская сирота» в переводе Е. Н. Киселёва. В девяностые годы этот перевод был не единожды перепечатан разными издательствами, как и прочие сочинения из сойкинского собрания.

Параллельно издательство «Ладомир» взялось за подготовку полного собрания сочинений Буссенара и за десять лет (1991-2001) перевело заново или впервые 40 романов, за исключением «Монмартрской сироты». В библиографии, напечатанной в последнем, 32-м томе, этот роман был датирован 1901 годом, а сноска внизу страницы гласила: «Французский оригинал не найден».

Возникал вопрос: а писал ли Буссенар этот роман? Если писал, то публиковался ли подлинник? Если да, то сохранился ли хоть один экземпляр в наши дни? Если нет, то каким образом рукопись попала в Россию? Если Буссенар этого романа не писал, то кто настоящий автор книги, опубликованной в России под его именем? Другой, менее известный француз, или сам переводчик Е. Н. Киселёв?

Несколько слов о сюжете произведения.

Много авантюристов ищут древнее индейское сокровище, спрятанное, по легенде, в горах на западе Техаса. Удача наконец улыбается фермеру Леону Дерошу, эмигранту из Франции. Однако увезти золото он не успевает: несколько дней спустя Дерош с супругой, их дочь Лизон и чернокожий слуга Джо похищены по приказу Дианы Диксон — Королевы Золота, жаждущей выпытать у них тайну клада. На поиски семьи бросаются их друзья — ковбои и индейцы-команчи. Бравый ковбой Эдуард Сильвер по прозвищу Стальное Тело освобождает Лизон и её родителей, но попутно разбивает сердце девушки...

Два года спустя, летом 1889 года, миллионер Дерош с семьёй приезжает в Париж, чтобы отомстить убийце своего брата Луи, расстрелянного у него на глазах в дни Кровавой недели. Индейское золото было нужно бывшему солдату Коммуны, чтобы противостоять могущественному врагу — графу де Шамбержо, полковнику, офицеру генерального штаба...

Ну конечно же, такой сюжет мог измыслить только Буссенар! Увлекательно, мелодраматично, захватывающе! Да и антураж более чем узнаваемый. Первая часть, «Королева Золота», совершенно в духе романа «Без гроша в кармане» (1895) со всеми его ковбоями, индейцами, золотоискателями, Серебряным королём и Нефтяной королевой. Вторая часть, «Лизон», сразу же погружает нас в атмосферу романа «Секрет Жермены» (1894) с его убийствами, похищениями, гнусными аристократами, преследующими бедных и честных девушек... Да и множество мелких сюжетных фишек словно понадёрганы из других книг Буссенара.

С другой стороны, некоторые детали композиции заставляют усомниться в авторстве Буссенара. У «Монмартрской сироты» совершенно нелепая, хромающая на обе ноги структура: вторая часть в четыре раза короче первой, логически не закончена, но за ней следует эпилог («Светлые дни Монмартрской фермы»), равный ей по объёму! Ну а действие, прекрасно разработанное в первой части, к середине второй и особенно в эпилоге сводится к сумбурному пересказу событий.

В общем, самый загадочный роман Буссенара, насколько позволяет судить дореволюционный русский перевод, представляет собой крайне увлекательное, но уж больно топорно сработанное произведение. Отчего так получилось? Напрашивается мысль, что, польщённый предложением Сойкина издать собрание его романов, Буссенар откопал брошенную когда-то рукопись и наспех завершил её, решив отблагодарить Россию эксклюзивным сочинением. И ведь в самом деле: «Монмартрская сирота» вышла в завершающем томе (№ 39-40), тогда как первоначально Сойкин анонсировал лишь 35 томов.

Впрочем, всё могло быть совсем иначе. Предположим, «Монмартрская сирота» всё-таки публиковалась в оригинале. Но тогда закономерен будет вопрос: а не обкорнал ли её переводчик Киселёв, ранее ухитрившийся ужать огромный роман «Из Парижа в Бразилию» ровно вдвое?!

Но в таком случае нужно попытаться найти этот оригинал и явить миру новое и совершенное творение Буссенара!

Однако поиск по оцифрованным источникам ничего не дал. Такого произведения не оказалось в библиографических каталогах, его публикацию не анонсировала ежедневная пресса. Только случай мог натолкнуть на упоминание о романе в каком-нибудь отсканированном в виде картинке, но нераспознанном документе...

И этот случай вскоре мне улыбнулся: я нашла биографическую заметку о писателе, опубликованную при его жизни в «Национальном справочнике современников» под редакцией С.-Э. Кюринье, где говорится буквально следующее: «Он написал также романы нравов, а именно “Секрет Жермены”, “Похождения Бамбоша”, “Оржерские разбойники”, “Монмартрская сирота” и др.»

Выходит, этот загадочный роман всё-таки публиковался в оригинале! Значит, есть шанс его найти!

Кроме того, эта скромная заметка позволила мне определиться с жанром. Итак, нас не должен обманывать экзотический антураж вестерна: «Монмартрская сирота» — это роман нравов, социально-авантюрный роман, роман для взрослых. Значит, как и прочие романы этого направления, он писался для ежедневной прессы.

Похоже, никакой тайны и нету. Возможно даже, что за десять лет, истёкших с момента публикации последнего ладомировского тома, оригинал «Монмартрской сироты» давно найден французскими исследователями. Надо бы у них спросить.

Я уже знала, куда следует обращаться — в центр «Рокамболь». Это «исследовательский институт» Общества друзей популярного романа, издающий ежеквартальный бюллетень, где публикуются объёмные досье или отдельные статьи, посвящённые приключенческим, детективным, шпионским,

любовным романам и прочим «низким жанрам». С 2006 года общество возглавляет видный ювелир Даниэль Компер, сменивший на посту председателя буссенароведа Тьерри Шеврие.

В конце августа 2011 года я зарегистрировалась на форуме «Рокамболя», создала тему о Буссенаре и задала вопрос, не был ли за последние годы найден потерянный роман писателя «Монмартрская сирота», повествующий о приключениях в Америке участника Парижской коммуны Леона Дероша и его семьи. Моё скромное обращение было встречено всеобщим молчанием.

А неделю спустя — новое переживание! В одной онлайн-базе я обнаружила книжку... «Монмартрская сирота» (1923), написанную Полем Дарси!

Нет, эдак можно фантазировать до бесконечности! Можно додуматься до того, что роман, написанный Дарси — вернее, Полем Сальмоном (1884-1965) — но опубликованный первоначально под именем Буссенара, впоследствии был переиздан под настоящим именем автора!

Взволнованная, я озвучила на форуме и это соображение.

Компер откликнулся: «Тьерри Шеврие вам скоро ответит».

Тьерри Шеврие!.. Это его биография (включённая в последний ладомирский том) спасла меня год назад, когда я пыталась опровергнуть слухи о самоубийстве Буссенара! В те дни я, собственно, и стала буссенароведом.

А между тем участники форума сообщили, что книжка Дарси — это брошюра объёмом в 64 страницы, поэтому никак не может быть разыскиваемым мною романом. Должно быть, я имею в виду роман Буссенара «Борьба за жизнь» (1894), который в 1897 году был переиздан под заголовком... «Монмартрский сирота»!

Конечно же, я процитировала абзац из «Национального справочника современников», но, как и следовало ожидать, гораздо легче поверить в опечатку, чем в существование неизвестного романа!

Между тем, когда я набирала фразу «Он написал также романы нравов...», меня осенила внезапная мысль: «Секрет Жермены» (1894), «Похождения Бамбоша» (1895), «Оржерские разбойники» (1899) — все эти романы были впервые опубликованы в ежедневной газете «Птит републик», центральном органе социалистов. Но «Монмартрская сирота»... разве не для социалистического издания был написан роман о судьбе коммунаров? Роман, в котором главный злодей, насильник и убийца — офицер генерального штаба? Да какая ещё газета пропустила бы такую крамолу? Особенно во времена дела Дрейфуса, когда «клевета на армию» могла обернуться тюремным заключением?..

Я не решалась поверить в свою догадку...

Между тем к беседе наконец подключился главный буссенаровед. Он тоже решил, что я ищу «Борьбу за жизнь», и подробно пересказал содержание этого «парижско-гвианского» романа...

Нет, так дело не пойдёт! Есть только один способ внести ясность в ситуацию...

Задача кажется мне неподъёмной — ещё бы, ведь я впервые в жизни пишу по-французски, и каждая фраза даётся мне с невероятным трудом! — но я собираю волю в кулак и в течение нескольких дней максимально подробно пересказываю роман про семейство Дерошей. Голова раскалывается от напряжения, щёки пылают от стыда — представляю, сколь безграмотен мой текст! — но я героически довожу это дело до конца.

Великий Шеврие в ауте: он согласен, что сюжет типично буссенаровский, что десятки деталей роднят его с другими сочинениями романиста, но... эта история ему совершенно неизвестна! Он абсолютно убеждён, что данное произведение никогда не публиковалось во Франции. Возможно, Сойкин заполучил неопубликованную рукопись. Или же истинного автора «Монмартрской сироты» нужно искать в России — кто там у нас мог так талантливо сработать под Буссенара?

На этой ироничной ноте наш диалог и оборвался.

Я ещё много месяцев писала на форум «Рокамболя», рассказывала о новых находках, но то был монолог, иногда разбавляемый одобрительными восклицаниями Компера.

Совершенно обескураживающее впечатление произвело на меня, к примеру, знакомство с романами Буссенара «Мексиканская невеста» (1905) и «Том-укротитель» (1909) — произведениями, в которых «Монмартрская сирота» цитировалась неприкрыто, целыми главами. Вдруг да и правда Киселёв написал «Монмартрскую сироту», вдохновившись не переведёнными на русский романами?

Отделаться от этой навязчивой мысли мне помогло сетевое знакомство с волгоградским специалистом по старинной авантюрной литературе Н. Ф. Бичехвостом, автором книги «Писатели — искатели приключений». Узнав о моих исследованиях, Николай Фёдорович мигом выслал мне два скана. Один из них — кусок журнальной публикации «Монмартрской сироты», второй — оглавление журнала «Вокруг света» за 1901 год.

Да, именно этот московский еженедельник опубликовал в октябре-декабре 1901 года эпилог нашей «Монмартрской сироты»!

1901 год! Значит, «Монмартрскую сироту» написал Буссенар, ибо только автор мог впоследствии — в 1905 и 1909 годах — разобрать её на запчасти и использовать их при сочинении других своих романов «Мексиканская невеста» и «Том-укротитель»!

Но полную ясность в ситуацию внесла изданная в Париже в 1965 году монография Клода Виллара «Гедисты: социалистическое движение во Франции. 1893-1905». На «взломанной» мной странице 148 речь шла о региональной социалистической печати, в частности, весьма редких ежедневных газетах. А вот что говорилось в сноске, посвящённой публиковавшимся там романам-фельетонам: «Большая часть из них — перепечатки из “Птит републик”, которая ежедневно отсылает свои типографские матрицы в “Ревей дю Нор” и в “Пёплъ”. Высокохудожественные сочинения попадают лишь в виде исключения (“Жерминаль”, “Оливер Твист”), Подавляющее большинство фельетонов — это романы, скро-

енные по моде, на манер Эжена Сю и Жоржа Оне сразу, в них действуют проходимцы с социального дна, великодушные аристократы, бедные девушки, чья порядочность вознаграждается богатым замужеством. Вот несколько запоминающихся названий: “Роман о честной девушке”, “Монмартрская сирота”, “Лилия в ручье”, “Рыжая Нуну”, “Изнасилованная”, “Большое сердце” и т. д.».

Стоп! А теперь разложим этот сумбур по полочкам.

Итак, во-первых, историк Клод Виллар видел роман под названием «Монмартрская сирота» в некоей региональной социалистической ежедневной газете.

Во-вторых, раз подшивка этой газеты сохранилась до начала шестидесятых, то надо полагать, что и в наши дни она находится в целостности и сохранности.

В-третьих, известно, что большая часть романов перепечатывалась из парижской «Птит републик». А как мы знаем, именно в ней были опубликованы другие социальные романы Буссенара!

То есть алгоритм поиска потерянного романа должен быть таким: нужно прийти в Национальную библиотеку Франции и пролистать «Птит републик» за 1893-1900 годы (то есть за период, исследованный Вилларом, но до появления русского перевода). Если это не даст результатов, нужно переходить к изучению региональных ежедневных газет, начиная с указанных в сноске «Ревей дю Нор» (Лилль) и «Пёплъ» (Лион). И потерянный роман Луи Буссенара будет найден!

Увы! Желающих стать первооткрывателями среди форумчан-«рокамболевателей», которым я сообщила о своём открытии, не нашлось.

Между тем, через полтора месяца мне наконец посчастливилось связаться с Тьерри Шеврие. Завязалась дружеская переписка. Шеврие был потрясён моими находками. Он подарил мне биографию Буссенара (теперь она у меня есть и в подлиннике!), несколько ладомировских томов; мы всю строили планы о совместной работе... Переписка с ним всегда была праздником, эдаким языковым пиршеством, поскольку в

письмах он, как и в публикациях, не скупился на образные обороты речи, игру слов.

К сожалению, наша дружба ни на йоту не продвинула поиски «Монмартрской сироты».

Между тем отдельные департаменты потихоньку начали оцифровку региональной и местной прессы, и я твёрдо надеялась в один прекрасный день обнаружить онлайн ту загадочную ежедневную социалистическую газету.

В более простой вариант разум просто отказывался верить. Газета «Птит републик», рупор Геда, Мильерана, Жореса — разве не изучена она вдоль и поперёк историками? Да ведь там уже найдено три романа Буссенара — могла ли там остаться незамеченной «Монмартрская сирота»? Скорее всего, писатель реально отдал её в какую-нибудь региональную газету. Ну ведь не шедевр роман, что и говорить. Но в этом случае география поиска сильно сужается. Искать нужно в родном департаменте Буссенара (Луаре) — или в соседних. И ведь точно — в городе Орлеане тоже издавалась ежедневная социалистическая газета!

Можете себе представить моё изумление, когда я увидела её название... на обложке книги «Отзвуки дела Дрейфуса в Орлеанэ» (2010)! Нашлись и газетные заметки о презентации. Согласно прессе, автор — 74-летний историк из коммуны Шанто, человек пылкий и увлечённый, защитивший диссертацию уже после выхода на заслуженный отдых. Узнав также, что он — велотурист, я отправила письмо на адрес местного велоклуба, озаглавив его: «Г-ну Жоржу Жума, доктору исторических наук, Шанто».

Удача улыбается смелым. Неделю спустя пришёл ответ. Газеты ничего не преувеличивали. Историк-энтузиаст вспыхнул, как спичка. С трудом дождался он окончания новогодних каникул и в самые первые рабочие дни 2014 года выехал в Орлеан...

Увы! Обе региональные газеты, которые я указала, действительно публиковали романы Буссенара. Но среди них не было «Монмартрской сироты»!

Эта грустная история, тем не менее, долго грела мне душу, я была бесконечно благодарна месье Жума — единственному человеку, кто мне поверил и решил помочь...

А между тем шли годы...

Однажды, в сентябре 2015 года, я отыскиала в сети рекомендованное мне предисловие Клода Шоппа к роману Дюма «Шевалье де Сент-Эрмин» и начала читать увлекательный рассказ о том, как автор нашёл в Национальном архиве рукопись неизвестной статьи и пришёл в Национальную библиотеку, чтобы отыскать эту публикацию, но вместо статьи обнаружил неизвестный роман! Было это где-то в конце восьмидесятых. Потому как если события из жизни Дюма его биограф знает с точностью до секунды, то события из своей жизни как-то в памяти не отложились...

Чудак-человек, подумала я. Вот если бы я нашла «Монмартрскую сироту» — да я бы эту дату до конца жизни не забыла бы! И что бы вы думали? — в тот же самый вечер, 30 сентября, мои пальцы в тысячный раз машинально ввели в поисковую строку Гугла привычную фразу: «bousсенард l'orpheline de montmartre», и...

И искомая фраза целиком высветилась в результатах поиска! С названием первой части романа. Я немедленно перешла по ссылке. Открылся pdf-файл, рекламная страница какой-то старинной газеты. На ней красовалось сразу два нумерованных «фельетона» — 21 и 22, сверху и снизу полосы. Все имена героев были мне знакомы. Это тот самый роман, который я безуспешно искала четыре с половиной года!

Это была газета «Эгалите де Рубе-Туркуэн», ежедневная и социалистическая — а кто бы сомневался? Выложена на сайте «Цифровая библиотека Рубе». Рубе — это север Франции. Роман публиковался с 8 июля 1898-го по 8 января 1899 года.

Наутро я взялась за скачивание всех полос с текстом романа. Попутно бросила один кусочек Шеврие, чтобы подготовить его к своему звонку...

Технически это не представляло особой сложности. Я нашла домашний телефон Шеврие года два назад и сразу же внесла его в свой почтовый мессенджер. И упорно ждала это-

го самого дня, чтобы нажать на вызов. Совершенно очевидно, что я буду нести околёсицу, но сегодня я имею на это право: победителей не судят.

Наш разговор состоялся. Голос Шеврие был именно таким, каким я его себе представляла. И тем не менее, мой собеседник был совсем не похож на сложившийся у меня в голове образ. Ну слишком серьёзный! (Или всё же — озадаченный?) Но это не могло меня смутить. В упоении рассказывала я, где был опубликован роман, доложила и о проблемах. Мало того, что многие сканы совершенно белые, нечитаемые, так ещё и сама газета печатала нумерованные фельетоны не пойми как: то дважды один и тот же, то пропуская номера, то в неверном порядке. Но ведь совершенно очевидно, что это копия... Ну я клянусь вам, что это перепечатка из «Птит републик!» — восклицала я. «Я вам верю», — отвечал Шеврие.

Всю следующую неделю я в упоении читала роман с экрана. Это был подлинный шедевр! Известный нам перевод Киселёва можно сразу выбрасывать на свалку истории литературы. Сокращал он нещадно. Часть — просто по привычке, с целью экономии места в журнале. Часть — по цензурным соображениям, отдельные эпизоды действительно зубодробительные — мне не раз хотелось отхлестать Буссенара по физиономии... В итоге сократил 60 процентов текста!

«Завтра будет великий день! Я еду в Национальную библиотеку!» — писал мне Тьерри Шеврие утром в пятницу, 13 ноября 2015 года.

Увы и ах! Я даже не знаю, какая пословица тут будет более уместной...

После полуночи пришло новое письмо, из которого я узнала о страшных терактах в Париже. Горе сковало миллионы сердец, в том числе и наши.

«Великий день» был отсрочен на несколько месяцев. Тем не менее, он настал. 17 февраля я до поздней ночи ждала вестей от бравого мотоциклиста, рванувшего в Париж. Ближе к двум часам пришло наконец письмо, озаглавленное «L'Orpheline de Montmartre...» и состоящее всего из двух русских слов и восклицательного знака: «Я нашёл!»

На другой день я снова позвонила Шеврие — и в этот раз он был именно таким, каким я всегда представляла его по письмам (иными словами, хохотал не меньше моего).

Как оказалось, поиски получились не очень долгими. Он попросил микрофильм с «Птит републик» за 1898 год. Очередная порция романа обнаружилась уже в первом январском номере! Осталось только установить дату начала публикации — 30 октября 1897 года, и окончания — 24 апреля 1898-го. Газета громко анонсировала «Монмартрскую сироту», но несколько недель спустя страну потряс скандал, связанный с делом Дрейфуса...

Получается, что все сюжетные совпадения были чистой случайностью. И когда Буссенар сочинял роман, ему и в голову не могло прийти, что публичное преследование коммунарком Дерошем полковника Шамбержо будет читаться как прозвучавшее 13 января 1898 года «Я обвиняю!» Эмиля Золя... А между тем, острый политический контекст, видимо, и сделал невозможным издание буссенаровского шедевра отдельной книгой...

Скоро сказка сказывается, да не скоро дело делается. Так или иначе, а отскерокопировать все фельетоны числом 171 Тьерри Шеврие смог только спустя год. А летом 2017 года мы в четыре руки правили распознанные сканы и набирали недостающие фрагменты.

В октябре 2017 года потерянный оригинал «Монмартрской сироты» был опубликован во Франции отдельным изданием. «Благодаря судьбоносному переводу на русский и стараниям выдающейся исследовательницы Елены Трепетовой он был обнаружен и сегодня впервые выходит в свет после 120 лет забвения», — написал Шеврие на обороте красочной обложки, нарисованной его другом Аленом Пайу.

Луи Буссенар
МОНМАРТРСКАЯ СИРОТА

Louis Bousсенard
L'ORPHELINE DE MONTMARTRE

Часть вторая

30 сентября 2015 года, после многолетних поисков, я нашла оригинал романа Луи Буссенара «Монмартрская сирота», чей перевод был напечатан в московском журнале «Вокруг света» в 1899-1901 годах, переиздан в 1911-м Сойкиным, затем ещё семь раз в 1990-е и 2000-е годы (и, увы, восьмой — в 2018 году!). Во Франции же до последнего времени никто и не подозревал о существовании этого произведения. К сожалению, доступная онлайн версия книги (газета «Эгалите де Рубе-Туркуэн», 8.07.1898 — 8.01.1899) частично нечитаемая и неполная. В феврале 2016 года французский буссенаровед Тьерри Шеврие отыскал более раннюю (и полную) публикацию — в парижской газете «Литт Републик». Летом 2017 года мы с ним в четыре руки правили распознанные сканы и набирали недостающие фрагменты по ксерокопиям. В октябре месяце первое французское издание «Монмартрской сироты» увидело свет. А мой моральный долг — добиться нового русского перевода «Монмартрской сироты». Оригинал оказался в 2,3 раза длиннее дореволюционного перевода. Какие-то главы переведены Е. Н. Киселёвым относительно полно, другие пересказаны в нескольких словах, отдельные эпизоды опущены. Я твёрдо надеюсь на то, что однажды какой-нибудь русский издатель приобретёт французскую книгу (или свяжется со мной через соцсети), чтобы заказать новый перевод и издать этот роман в России. А пока я предлагаю вашему вниманию две главы из второй части, отсутствующие в имеющемся русском переводе. Поверьте мне: подлинник романа — это безусловный шедевр, возможно лучшее произведение Буссенара. К сожалению, я поисковик, а не переводчик, поэтому роман объёмом в 1,2 миллиона знаков просто не осилю.

Елена Третьева
2017

XXVII

Несмотря на великолепное хладнокровие, которым он щеголял в обществе, несмотря на всегдашнюю безнаказанность, позволявшую ему открыто предаваться гнусным порокам, полковнику, графу де Шамбержо, было отчего-то не по себе. У этого человека, одержимого чудовищными страстями, впервые в жизни было смутное ощущение, что вокруг него всё рушится.

Сначала Лизон вырвали из его рук, а ведь ещё минута, и, свершив насилие, он сделал бы её своей навсегда. Потом это паническое бегство, словно он вор какой-нибудь, и глупая потеря бумажника. И вот наконец вызов к комиссару полиции Нёйи и замечания этого чинуши при возвращении сего предмета, чьё нахождение в подобном месте было более чем компрометирующим. И в довершении всего — комиссар даже не счёл нужным это скрывать — в деле уже имелось заявление с очень серьёзными обвинениями против него.

И тон, которым этот презренный штатский посмел ему это выговаривать, начинал его раздражать.

Где это видано? Какой-то ничтожный шпик позволяет себе вызывать его в участок, словно первого встречного, его, человека с четырьмя четвертями дворянской крови и пятью золотыми галунами!.. И что, ему теперь и поразвлечься нельзя, да?

И Шамбержо приводил довод за доводом, перебирал софизм за софизмом, вспоминал своё прошлое, полное гнусностей, оставшихся безнаказанными, надеясь вновь обрести спокойствие духа.

Но всё было бесполезно, аргументы не складывались и не убеждали его. Он и впрямь чувствовал себя неважно. День показался ему нескончаемым. Ночь кое-как пролетела за игорным столом, где его преследовала неотступная удача. Он очень много выиграл, и это привело его в отчаяние. Он предпочёл бы проиграть, в надежде, что огромная потеря денег задобрит судьбу, которая, как он смутно чувствовал, ожесточилась против него.

Граф лёг на рассвете и провалился в тяжёлый сон, полный кошмаров, а проснулся ровно в одиннадцать, с пересохшим ртом, с болью в голове. Его камердинер раздвинул шторы и принёс ему утренние газеты. Он просматривал их рассеянным взором, зевая, как вдруг у него вырвалось ругательство:

— Сто тысяч чертей!

Это он прочёл объявление о свадьбе Лизон, затем сразу же статью в вопросительных выражениях, составленную Пенвенем, и ещё ниже — заметку о происшествии в Нёйи.

Он почувствовал, что бездна раскрылась у его ног, и ужас охватил его.

При других обстоятельствах, будь он неимущим, как месяц назад, он без сомнения поддался бы первому порыву и пустил бы себе пулю в лоб. Но теперь он имел полтора миллиона наличными, и потому решил побороться с судьбой. Как человек, не раз ходивший по краю пропасти, полковник призвал на помощь всё своё спокойствие и трезво оценил создавшееся положение.

Откуда исходила наибольшая и самая непосредственная опасность? Очевидно, от той из его жертв, что была названа в газетах по имени и первой букве фамилии — от Жанны П., то есть Жанны Порник. Просто прелесть, а не девчонка, и если бы она захотела, то имела бы сейчас лошадей, кареты, особняк и двадцать тысяч франков на ежемесячные расходы. Но она предпочла остаться бедной и наверняка сейчас сожалеет об упущенных шансах.

Следовало как можно быстрее найти эту маленькую глупышку и купить её молчание и молчание её семьи.

Это не должно быть особо трудным делом, ибо всё покупается, если дать нужную цену!

Укрепившись в этом решении, успокоившем его первоначальное волнение, Шамбержо поднялся, тщательно навёл марафет, как бывший красавец, ещё сохранивший свою привлекательность, и набил карман голубыми банкнотами. Сначала — десять тысяч франков из бумажника, затем ночной выигрыш — шестьдесят тысяч франков.

Затем, решив не считаться со средствами в достижении цели, он достал из сейфа три пачки по десять тысяч. Всё вместе это составило кругленькую сумму в сто тысяч франков.

Человеку, располагающему подобными средствами, смущение совершенно не свойственно, особенно, если речь идёт о том, чтобы купить молчание бедняков. Поэтому самоуверенность вернулась к нему, и устыдившись своего первоначального волнения, он упрекал себя, обвиняя в трусости.

Он отправился пешком, как истый парижанин, любящий и хорошо знающий свой город. Впрочем, он обожал бродить по улицам, а скорее даже охотиться, неустанно ища добычу, выхватывая взглядом миловидное личико, кудрявый затылок, хорошо натянутый чулок, соблазнительный силуэт. Шамбержо заглянул в свой клуб, плотно пообедал, выпил несколько бокалов лучших сортов вина и пролистал журналы, смакуя свой кофе. Вся его тревога, казалось, мгновенно испарилась. Он ощущал уверенность человека, чей карман набит банковскими билетами, и блаженный покой хорошо пообедавшего гурмана. Теперь он всё меньше и меньше был расположен к проявлению щедрости.

Он говорил, торгуясь с самим собой:

— Ну, хорошо, дам я несколько банкнот... Ещё неизвестно: дойду ли я до десяти тысяч? Подобные люди выше некоторой суммы ничего не понимают.

Он покинул клуб и продолжил путь, снова пешком, вразвалочку, с дорогой сигарой в зубах.

Парижане часто переоценивают городские расстояния. Воображают, к примеру, что от площади Мадлен до Монмартра им предстоит длительное путешествие. А там всего-то два с половиной километра, то есть среднему ходуку потребуется минут тридцать пять — сорок.

Богачи, бездарно прожигающие жизнь и напичканные предрассудками, редко передвигаются пешком и не выходят за пределы нескольких кварталов. У них считается дурным вкусом быть замеченным в местах, недостойных светских львов. Того и гляди опозоришься, попавшись на глаза поставщикам и слугам, снующим по улицам, где обитает проstonародье.

Шамбержо был лишён подобных предубеждений. Он вёл охоту и преследовал свою дичь во всех уголках и закоулках и утверждал, что только так можно сделать настоящие находки. Он поднялся по улицам Тронше, Гавр и Амстердам до площади Клиши. Затем зашагал по бульвару Клиши, добрался до улицы Коленкур, может быть самой мрачной в Париже, обогнул Монмартрское кладбище и вышел на улицу Лепик. Немного отдышавшись, подумал:

— Надо же, есть люди, что проводят всю свою жизнь в подобных трущобах!

Внезапно его охватило желание поскорее со всем кончить, и он ускорил шаг, словно человек, спешащий как можно быстрее выполнить скучное поручение. Он дошёл до дома, где жила вдова, выяснил номер квартиры, постучался и вошёл с бесцеремонностью богатого вельможи, навещающего бедных.

Дома были только мадам Порник и Жанна.

При виде его девушка побледнела, резко вскочила, и с расширенными от безумного ужаса глазами, с перекошенным от неописуемого отвращения ртом, задыхаясь, пролепетала:

— Мама!.. это он!.. тот негодяй!..

Шамбержо слегка поклонился, и совершенно не смутившись подобным приёмом, начал спокойным тоном:

— Дитя моё, не надо шума, и главное — кончайте смотреть на вещи трагически. И вы, мадам, поскольку вы её мать, то вы легко поймёте меня, будучи женщиной умной, действующей в её интересах.

Мадам Порник, остолбенев, слушала эту болтовню и пыталась понять причину ужаса своей дочери, которая до этого момента отказывалась объяснять ей, что с ней приключилось, и при этом слова этого незнакомца инстинктивно пугали и её тоже. Полковник непринуждённо продолжил, уверенный в успехе, с неосмотрительностью людей высших слоёв общества, коим и в голову не приходит, что у бедняков тоже есть честь, или по крайней мере, их нельзя купить.

— Я виноват перед этим милым созданием, чью несравненную красоту почтил своим вниманием. Сегодня я пришёл

честно признаться в этой вине и загладить её по мере своих сил и средств.

Жанна приблизилась к матери и прижалась к ней, словно ища защиты от этого человека с ястребиным взглядом, чей вид приводил её в ужас.

— Я не понимаю вас, — произнесла вдова.

«Ах, вот как, — подумал мерзавец, — она твёрже, чем я думал. Прикидывается тупой скотиной, чтобы продать дочь как можно дороже. Не будем мелочиться... раз уж я всё равно попался».

Он вытащил из кармана несколько пачек банковских билетов, разложил, показал виньетки, пошелестел тонкой бумагой, как будто хотел разжечь аппетит вдовы, и продолжил:

— Здесь сорок тысяч франков, и они ваши, если ваша очаровательная дочь согласна и если вы сами согласны забыть мою вину перед ней и дать мне полное отпущение грехов.

И поскольку мадам Порник сдерживалась, чтобы не взорваться и выплеснуть ему в лицо своё презрение, он сказал про себя: «Эта старая скотина, очевидно, решила обобрать меня до нитки».

Он вытащил новую пачку и добавил:

— И ещё десять тысяч... итого: пятьдесят тысяч франков. Кругленькая сумма, она послужит приданым вашей дочери. Она выйдет замуж за какого-нибудь честного парня, который будет её обожать... станет ему доброй женой, хорошей матерью... а если и вспомнит о моей... излишней пылкости, то только как о причине быстрого и надёжного обогащения...

— Итак, — медленно произнесла вдова моряка, — после того как вы завлекли мою дочь в гнусную ловушку, подло надругались над ней, вы приходите сюда купить моё соучастие, предложить мне сколотить состояние на её чести...

— Всё это слова, голубушка, одни лишь слова... Ну представьте себе: будь я не порядочным человеком с благими намерениями, а каким-нибудь скупердям и жмотом... Вы не получили бы ни гроша и так бы и прозябали дальше в труде и бедности. Раз уж беда случилась — а мало ли в нашей жизни

несчастий, и куда более непоправимых — примите же моё предложение и тем самым вы разом обеспечите своё счастье.

Бретонцы обладают невозмутимым темпераментом, их очень трудно вывести из себя.

Им, в отличие от нас, уроженцев центральной Франции и южан, совершенно несвойственны безумные приступы гнева, который мгновенно вспыхивает и столь же быстро перегорает, как пучок соломы. Но уж если бретонец потерял самообладание — это поистине страшное зрелище, ибо ничто не предотвратит, ничто не остановит яростную лавину слишком долго сдерживаемого гнева.

— Вот! — продолжил негодяй, решивший торговаться до последнего, — я добавлю ещё пять тысяч франков.

Это стало последней каплей! Раздался резкий и возмущённый голос вдовы:

— Да неужто вы не видите, что каждая надбавка — это новое оскорбление нашей чести! Из какой же грязи вы слеплены, если позволяете себе оскорблять двух беззащитных женщин?

Её глаза, затуманенные слезами, немедленно высушила ярость. Она перевела взгляд на портрет капитана дальнего плавания.

— Милый муж, — произнесла она с рыданием, — даже в дни самой жестокой нужды я не так страдала без тебя, как сегодня! Ах, дорогой мой муж!.. Нас оскорбляют, и тебя больше нет рядом, чтобы нас защитить. Но я бретонка, жена и дочь моряка, и я сумею отомстить.

Она выбежала на кухню, схватила топорик для колки дров, и прежде чем оторопевший полковник смог сделать шаг назад, она бросилась на него.

Когда он увидел занесённый топор, то внезапно осознал нелепость своего положения. Нелепость — и одновременно опасность.

Хотя у него не было времени на размышления, в мозгу мгновенно промелькнула сцена из античной истории: царь Пирр, убитый во время разграбления Аргоса куском черепицы, брошенным с крыши старой женщиной.

Банальный предмет домашней утвари, сжимаемый сильной рукой, имел смутное сходство с абордажным топором и был нацелен ему прямо в лицо.

Как человек, крайне заботящийся о красоте своей кожи, полковник отскочил в сторону, пытаясь отступить и обратиться к двери. Но одно приводило его в бешенство: видеть тысячефранковые билеты, разложенные на гладильном столе, и не иметь возможности их забрать без риска получить топором по черепу.

Ну ладно, тем хуже! Не желая терять эту кругленькую сумму, он решил броситься на вдову, готовую повторить атаку. Но не успел.

Дверь с грохотом распахнулась, и в середину комнаты, полной суматохи, влетел человек.

— Шамбержо! Я так и знал! — вскричал мужчина.

— Дерош!.. он!.. — пробормотал изумлённый полковник, узнав отца Лизон.

XXVIII

Нетрудно себе представить, что гнусное покушение на Лизон привело Дероша в невероятную ярость. Можно сказать, что его многолетняя ненависть к Шамбержо достигла пароксизма.

И всё-таки в интересах самого мщения он приказал себе сохранять спокойствие, что бы ни случилось. Ибо он планировал наслаждаться этой мстью не спеша, с жестокой радостью, с утончённостью, свойственной его друзьям-краснокожим.

Но когда он вошёл в эту комнату, оглашённую, как и двадцать лет назад, женскими криками, когда он увидел Жанну, близкую к обмороку, бледную как смерть, и её мать с топориком, занесённым над виновником всех бед, когда, наконец, он заметил банковские билеты, разложенные на рабочем столе прачки, страшный гнев охватил его.

Он разгадал новую подлость негодяя, и вся его годами накапливавшаяся ненависть в мгновение вышла из берегов. А Шамбержо, видя пред собой мужчину, немедленно овладел

собой, надеясь отделаться парой громких фраз, а при необходимости — вызовом.

Он и глазом не успел моргнуть, как Дерош подскочил к нему, пронзил его взглядом и единым словом выплеснул всё своё презрение:

— Подлец!

И тут же вlepил ему самую чудовищную пощёчину, которая когда-либо бесчестила человеческое лицо.

Это было грубо, неожиданно, невероятно звучно, как удар бича ломовика.

Озверев от ярости и боли, причинённой ударом, оскорблённый, оглушённый, с налитыми кровью глазами, Шамбержо бросился на Дероша, желая сначала накостылять ему в ответ, а затем уж беспокоиться о правилах приличия, называемых дуэлью. Хриплым, изменившимся голосом, он завопил:

— Вы мне ответите за это! Но сначала я выпорю вас, как холопа, и только потом убью как джентльмена...

Необычайно сильный, преуспевший во всех телесных упражнениях, очень высокого роста, Шамбержо был опасным противником. Узнав друга семьи, своего благодетеля, мадам Порник выпустила из рук топорик, схватила в объятия дочь и отступила с криком:

— Спасибо, месье Дерош!

Шамбержо попытался нанести ранчмену удар кулаком, а тот, даже не думая отражать удар, схватил его за талию.

И тут произошло нечто удивительное.

Словно железные тиски до боли впились в тело Шамбержо: он побледнел, глаза его закатились и он рухнул навзничь, близкий к потере сознания.

— Наказать меня... меня... в этом доме!.. — вскричал Дерош с жестокой иронией.

Он слегка ослабил чудовищные объятия, в которых изнемогал его противник, и продолжил отрывистым голосом, свистящим, как удары бича:

— Да!.. в этом доме... где двадцать лет назад вы подло убивали солдат Коммуны.

Услыхав подобный упрёк, весьма чувствительный для всех, кто участвовал в той незаконной расправе, Шамбержо попытался протестовать:

— Двадцать лет назад... я исполнял свой солдатский долг!

Дерош разразился пронзительным и полубезумным смехом:

— Твой солдатский долг!.. ах ты, бандит!.. Твой долг!.. Да разве тебе приказывали расстреливать безоружных пленников и насиловать их жён после постыдного торга?

Ужасные раскаты его голоса были слышны даже во дворе. Удивлённые жильцы приникли к стёклам, высовывались из окон, пытаясь понять, что происходит.

Дерош продолжил в приступе бешенства:

— Вот, народ!.. полюбуйся на этого бандита, одного из палачей Кровавой недели, который теперь осмеливается строить из себя поборника справедливости. Гнусный убийца! Сегодня я нанёс тебе оскорбление, и ты вызываешь меня на дуэль. А почему тогда ты поставил к этой стенке пленного солдата, а не принял честный бой, не бросил ему свою саблю и не крикнул: «Защищайся!»?

С пеной у рта, глотая рыдания, страшный во гневе, Дерош снова схватил полковника поперёк тела, так что треснула одежда и пальцы, словно гвозди, вонзились в ослабевшее тело, и поволок его, полузадушенного, в сад.

Один лишь Стальное Тело был способен на такой трюк, требующий невероятной силы. Да, Стальное Тело, с коим Дерош имел немало общих черт.

Уничтоженный, стиснутый смертельной хваткой, Шамбержо очутился перед задним фасадом дома. На этой стене, на высоте человеческого роста, ещё были видны множественные следы от пуль: замазанные гипсом дырки ярко белели на фоне посеревшей от времени штукатурки.

Дерош приподнял тело Шамбержо, затем резко опустил на землю, согнув его ноги в коленях, и закричал:

— Здесь пал мой брат-коммунар, казнённый тобой! Здесь пала его жена-коммунарка, застрелившись на твоих на

глазах после того, как ты её изнасиловал. На колени, мерзавец!.. На колени! Земля, где ты стоишь, пропитана их кровью!

Шамбержо, слегка пришедший в себя, брызгал слюной, хрипел, мычал, извивался. Наконец он рухнул лицом в грязь.

Тогда Дерош, окончательно потеряв голову, ничего не видя вокруг и не слыша, набросился на поверженного противника и с жестоким наслаждением принялся наносить ему удары кулаками и башмаками, избивать с головы до пят, терзать его плоть.

Чудовищные удары он пересыпал проклятиями:

— И на этом череда твоих преступлений не закончилась... Ты надругался над этой девочкой из народа... и моя дочь лишь чудом спаслась от тебя! А сколько ещё тех, чьих имён я не знаю... Ах, чёрт возьми, теперь ты ответишь за всё разом!

Он уже был готов разmozжить ему голову ударом каблука. Но мадам Порник решительно вмешалась, схватила его за руки и закричала:

— Пощадите его! Я, мать, молю вас об этом! Заклинаю вас именем моей дочери, именем вашей... не губите себя! Вас заставят дорого заплатить за шкуру этого бандита, она столько не стоит.

Ярость Дероша сразу утихла. Он взял вдову за руку и произнёс прерывающимся голосом:

— Спасибо, мадам Порник. Вы образумили меня. Этот человек принадлежит суду присяжных... Он должен искупить свои преступления... его ждёт роба заключённого... каторжные работы... палочные удары надсмотрщика...

Он вернулся в квартиру вдовы, оставив Шамбержо во дворе. Контуженный, раненый, весь в крови, полковник приподнялся, снова упал, наконец встал на ноги, и, пошатываясь, добрался до коридора, и затем до выхода на улицу.

Дерош глубоко вздохнул, присел между мадам Порник и Жанной и сказал им, показывая на банкноты:

— Я догадался, он приходил купить ваше молчание... Это грязные деньги, ибо побывали в руках у этого мерзавца. Я передам их от вашего имени в бюро благотворительности. А теперь, дорогая мадам Порник, и вы, милая Жанна, прости-

те мне эту жестокую выходку. Я не совладал с собой... Если бы вы только знали!.. О, да, если бы вы знали!

И подавшись непреодолимому порыву откровенности, он поведал им, как недавно поведал Лизон и Колибри, драму, произошедшую в дни Кровавой недели. Мать и дочь слушали, поражённые, теперь понимая причину этой дикой вспышки ярости и извиняя её. Затем Дерош рассказал о своих планах, сообщил, что в самое ближайшее время против похитителя чести будет начато уголовное дело. И добавил:

— Когда мы будем отмщены, когда эта зловредная гадина заплатит за всё и станет более неопасна, мы все вместе уедем в Америку. Лизон спрашивала у вас, не согласитесь ли вы покинуть родину вместе с вашими детьми. Вы примете наше предложение, не правда ли?

— Вы все так добры к нам, — с волнением ответила вдова, — что было бы крайней неблагодарностью с моей стороны отвечать отказом.

— Ваше согласие для нас большая радость. Мы будем жить одной семьёй... Богатство, по крайней мере, даст мне возможность делать счастливыми людей вокруг... Ну а теперь разрешите мне объяснить цель моего визита. Присутствие этого негодяя, трёпка, которую я ему устроил, ненадолго отвлекли меня от дела. Я шёл, чтобы поговорить с вами о том горестном происшествии, что отравило жизнь вам обеим.

— Увы, месье, мы никогда не сможем утешиться. Только подумайте! Такой чудовищный удар!.. Это хуже, чем убийство.

Жанна, истощённая горем — её лицо носило следы нескончаемых терзаний — тихо плакала.

— Час расплаты настал, — продолжил Дерош. — Общественное мнение поставлено в известность о преступлениях этого чудовища, через несколько часов я подам официальное заявление как потерпевший. Нужно, чтобы и вы, дорогая мадам Порник, как мать и опекунша нашей милой Жанны, присоединили свою жалобу к моей.

Душераздирающее рыдание вырвалось из груди Жанны при напоминании о перенесённом надругательстве, об её

стыде, ставшем всем известным, при мысли о свидетельских показаниях, которые ей придётся давать.

Она тихо покачала головой и прошептала срывающимся голосом:

— Ах, месье, это слишком жестоко!.. Нет! Я не смогу... не смогу!..

— Так нужно, дитя моё, — ласково, но твёрдо продолжил ранчмен.

— Поверьте, месье Дерош, я ни в чём не виновата, мне не в чем себя упрекнуть, я сопротивлялась изо всех своих сил...

— Мне это известно, дитя моё, и все, кто узнает о вашем несчастье, проникнутся к вам сочувствием и уважением. Подумайте, разве мы, Лизон, её мать и я, не страдаем от того, что нам тоже придётся ворошить эту грязь! Вы меня понимаете, не так ли?

— Да, месье... я сделаю то, о чём вы просите, но я не могу приказать себе не говорить вам о своей безмерной муке!

— Наказание обидчика утишит её, а время и переезд помогут забыть о ней. Там, за океаном, окружённая нашими заботами, нашей любовью, вы сможете начать новую жизнь... А пока — мужайтесь, моё милое дитя! Я покидаю вас, ибо время поджимает, и мне тоже нужно заняться неприятными хлопотами. Моя жена, Лизон, Колибри и Жако велели передать вам слова самой искренней симпатии. До завтра.

Тайна романа раскрыта

С детства люблю приключенческую литературу. Сколько раз в школьные годы приходилось выслушивать укоры учителей словесности, когда они обнаруживали в моём портфеле пиратские романы Сабатини, книги Скотта или Стивенсона! Буквально настоящая буря обрушилась на мою голову, когда у меня обнаружили ещё дореволюционное издание, описывающее уголовно-авантюрные похождения Рокамболя, поведенные французом Понсон дю Террайлем. Но ничто не могло убедить меня в том, что книжные приключения не стоят серьёзного внимания.

А началось всё с того, что мне на день рождения подарили книгу «Капитан Сорви-Голова». Её я прочитала в один присест и... заболела Буссенаром. Где только могла, разыскивала его сочинения. Что было непросто: этот автор в советской стране издавался нечасто. Пожалуй, кроме «Похитителей бриллиантов» ничего больше не нашла. К счастью, в семейной библиотеке Александровских (Нина Александровна преподавала сопронат в МФ ВЗМИ) обнаружила дореволюционное издание книги «Кругосветное путешествие парижского гамена».

В 90-х годах прошлого века начался настоящий издательский бум. Одна за другой в продаже появлялись книги, о которых раньше приходилось только слышать. В частности, издательство «Ладомир» выпустило полное собрание сочинений Буссенара. Конечно, я не могла не приобрести эти книги.

Некоторое время спустя мне в руки попала книга из серии «Женский роман». Обычно я их пропускала, даже не перелистывая, но заинтересовал автор — Буссенар! Однако содержание разочаровало. Решила, что это неудачный, сокращённый перевод, коих в тот период было множество, или под именем моего любимого писателя скрывался какой-то самозванец и это чистой воды подделка под французского романиста.

Загадка разрешилась, когда я увидела французский вариант книги в руках члена Союза писателей России, муромлянки Е. В. ТРЕПЕТОВОЙ, которая рассказала и о знаменитом французском писателе, и о судьбе его книг в нашей стране и не только...

— С мая 2011 года мы с моим соавтором Андреем Герасимовым из Тулы работали над романом «Последняя авантюра Луи Буссенара». По его сюжету, три русских библиофила, члены литературно-детективного агентства, расследуют загадочную смерть французского писателя, случившуюся сто лет назад. В эту фабулу мы планировали ловко вплести повествование о жизненном пути романиста, обсудить некоторые загадки его творчества. Тогда мне и в голову не могло прийти, что отныне вся моя жизнь превратится в настоящий детектив! — рассказывает Е. В. Трепетова. — Дело в том, что Буссенар, издавна любимый в России, практически полностью забыт во Франции. Количество книг, изданных за последние 60 лет, можно пересчитать по пальцам одной руки. Его имя известно только специалистам, прежде всего — Тьерри Шеврие, написавшему его биографию в 1997 году (через четыре года она вышла и на русском). При этом в последние годы во Франции полным ходом идёт оцифровка архивов — онлайн доступны сотни старинных газет, генеалогические источники XVIII-XIX веков. И оказалось, что биографию Буссенара надо чуть ли не переписывать заново! Столько новых документов в свободном доступе, сидишь перед экраном и листаешь, листаешь...

Сколько раз моё сердце замирало от восторга, когда случалось откопать неизвестный рассказ, газетную заметку о романисте, актовые записи о рождении, браке и смерти! Одни открытия были внезапными, другие тайны раскрывались лишь после долгих месяцев (или даже лет!) напряжённых поисков. Так вышло и с двумя «русскими загадками Буссенара». Действительно, как можно печатать русскую книгу о писателе, не проверив «западный» слух о том, что роман Буссенара «Кругосветное путешествие парижского гамена» был первой

французской книгой для чтения цесаревича Николая, а также не решив проблему с романом «Монмартрская сирота»?

«Следствие» по «Монмартрской сироте» превратилось в настоящую эпопею, увенчавшуюся сокрушительным успехом!

— **Каким был путь к этому успеху?**

— Вопрос об авторстве данного сочинения первым поднял Андрей Герасимов в самом начале нашего сотрудничества. Ситуация такова. В 1911 году (вскоре после смерти Буссенара) петербургский издатель Пётр Сойкин выпустил собрание его сочинений, куда вошло 26 романов, в том числе «Монмартрская сирота». Это роман о семье рабочего Дероша, бежавшего в Америку после разгрома Парижской Коммуны и вернувшегося оттуда миллионером 18 лет спустя, чтобы отомстить полковнику Шамбержо — палачу Коммуны и убийце своего брата. В 1990-е годы московское издательство «Ладомир» перевело все романы автора (всего их было сорок) — заново или впервые. Все, кроме «Монмартрской сироты». В библиографии, венчающей 32-й том, издатель пояснил: «оригинал не найден». «Так писал ли автор этот роман?» — задавался вопросом Андрей.

Тут надо отметить, что другие издательства, в отличие от «Ладомира», охотно перепечатывали в 1990-е дореволюционный «сойкинский» перевод, так что найти его у букинистов отнюдь не проблема.

Когда я вскоре прочла книгу, то первой моей мыслью было: «Это Буссенар чистейшей воды, хотя сюжетных провалов — куча. Интересно, как попала рукопись в Россию? Неужели сам писатель сплавил Сойкину литературную некондицию? Или за прошедшие годы французы уже успели найти оригинал?»

Последний вопрос я вскоре и озвучила на форуме французского Общества друзей популярного романа. Он вызвал неподдельный интерес, и администратор форума призвал на помощь своего коллегу — буссенароведа Тьерри Шеврие. Из ответов биографа выяснилось, что во Франции никто и никогда не слышал о таком произведении, но под схожим назва-

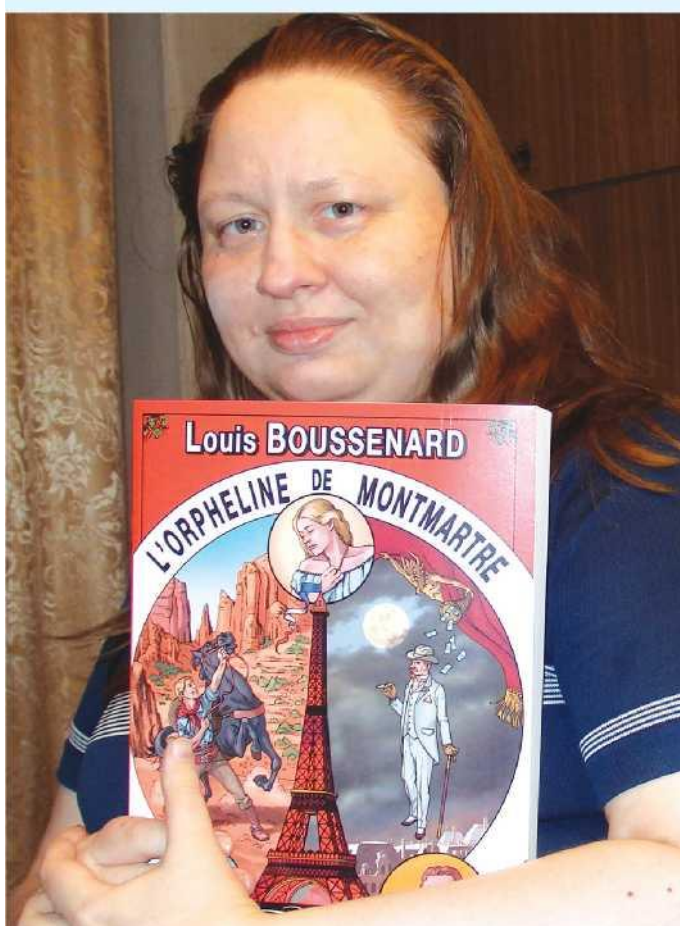
нием — «Монмартрский сирота» — выходило переиздание романа «Борьба за жизнь». Это стало для меня неожиданно, но я храбро и весьма детально пересказала сюжет «сойкинской» книги, чтобы ни у кого не оставалось сомнения, что эти два романа совершенно разные. Подчеркнула я и сюжетное сходство «Сироты» с известными книгами романиста. Шеврие и его коллеги были потрясены, но всё же верить в существование не известного им романа отказывались. Прозвучало предположение, что «Монмартрская сирота» — это русский апокриф, то есть подделка под Буссенара, сработанная, к примеру, его переводчиком.

На этой яркой ноте дискуссия и оборвалась, моё дальнейшее общение с французами продолжалось преимущественно в форме монолога.

— **Но неудачи Вас не остановили?**

— На протяжении полугода я сообщала форумчанам о новых находках, сделанных мною в ходе расследования загадки «Монмартрской сироты». Так, благодаря помощи волгоградского специалиста Николая Бичехвоста я узнала, что впервые роман был опубликован ещё при жизни Буссенара, а именно в московском журнале «Вокруг света» в 1899-1901 годах. Что это давало? А то, что сочинение, отдельные главы которого почти полностью совпадают с главами более поздних романов Буссенара «Мексиканская невеста» (1904) и «Том-Укротитель» (1909), никак не могло быть написано посторонним лицом! Только сам автор мог вторично использовать им же придуманные повороты сюжета!

Это — раз. А ещё — в монографии французского историка Клода Виллара название «Монмартрская сирота» указано в качестве образчика заголовка сентиментальных романов, публиковавшихся в конце XIX века в региональных социалистических ежедневных газетах! И там же есть примечание, что большинство этих романов региональная пресса перепечатывала из парижского органа социалистов — ежедневной газеты «Птит Републик»!

Елена ТРЕПЕТОВА с книгой «Монмартрская сирота».

По-моему, всё было ясно как день. Тем более если учесть, что на страницах именно этой газеты свет увидели социальные романы Буссенара «Секрет Жермены», «Похождения Бамбоша», «Оржерские бандиты»!

Да, с того момента я уже больше не сомневалась: «Монмартрская сирота» не просто написана Буссенаром, но и сохранилась в подлиннике. Нужно только пойти в Национальную библиотеку Франции и пролистать «Птит Републик» за 1897 или 1898 год.

Увы! — форумчане, прославленные специалисты по приключенческой литературе, не откликнулись на глас вопиющего в пустыне. Но стоит ли обижаться на французов? А если бы какой-нибудь китаец на ломаном русском написал нашим краоведам, что владимирская пресса конца XIX века хранит неизвестный роман Достоевского? Покрутили бы пальцем у виска, не более того.

Прошло три с половиной года. Наше форумное знакомство с Шеврие давно уже переросло в дружескую переписку. Но в своих поисках я была по-прежнему одинока. Я упорно искала «Сироту» по региональным оцифрованным газетам. По моей просьбе земляк Буссенара, историк Жорж Жума, листал (увы, безуспешно) архивы орлеанской социалистической прессы. А у меня уже в привычку вошло несколько раз в неделю вводить в Гугле простой запрос: *Bousсенard. L'Orpheline de Montmartre...*

30 сентября 2015 года. Я запомнила этот день, потому что утром было объявлено о вводе российских войск в Сирию. Весь вечер с тревогой читала новостные сайты. Но перед выключением компьютера пальцы машинально набрали привычное сочетание символов. И результат поверг меня в шок. Я оказалась на сайте «Цифровая библиотека Рубе»: социалистическая газета «Эгалите де Рубе-Туркуэн» в течение полугода, начиная с 8 июля 1898 года, ежедневно публиковала «сенсационный роман» Луи Буссенара «Монмартрская сирота»!

Думаю, несложно вообразить потрясение Тьерри Шеврие, которому я позвонила на другой день, предварительно выслав небольшой кусок скана. А потом почти неделю читала роман с экрана — восторгаясь, рыдая, проклиная автора, сочинившего эту невероятно напряжённую, душещипательную, местами аморальную историю, в два с лишним раза сокращённую русским переводчиком.

К сожалению, до финала было ещё далеко. В публикации «Эгалите» было пропущено несколько нумерованных эпизодов, текст не везде был читаемым. То есть требовалось найти первоначальную публикацию, ибо было совершенно очевидно, что это перепечатка из центральной прессы.

Шеврие больше не смел сомневаться, что оригинал нужно искать в «Птит Репюблик». «Завтра будет великий день! Я еду в Национальную библиотеку!» — писал он мне утром 13 ноября, выкроив одну субботу из своего преподавательского графика. Увы! В час ночи я узнала из его письма о страшных терактах в Париже. Было уже не до книжного поиска. Исходная публикация была найдена им только в феврале 2016 года.

Минувшим летом мы в четыре руки правили rozpoznанные сканы, набирали вручную недостающие фрагменты. Первое книжное издание романа «Монмартрская сирота» в подлиннике вышло в октябре 2017 года. «Благодаря судьбоносному переводу на русский и стараниям выдающейся исследовательницы Елены Трепетовой он был обнаружен и сегодня впервые выходит в свет после 120 лет забвения», — написал Шеврие на обороте обложки.

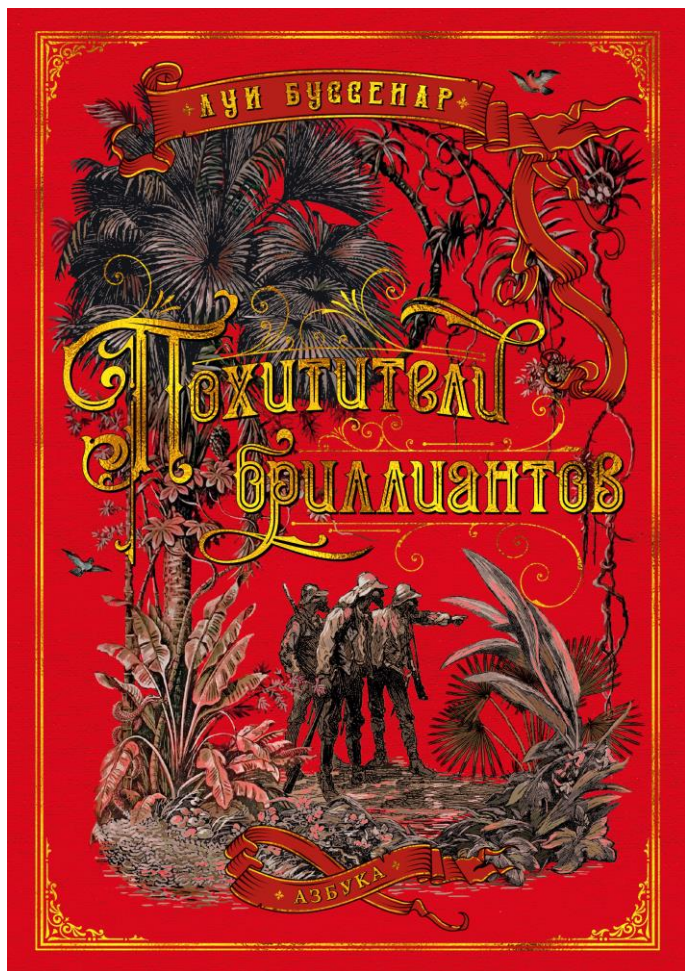
— Елена Викентьевна, а над чем Вы сейчас работаете, какая тайна будет раскрыта следующей?

— Моя забота теперь — добиться нового русского перевода. Потому как найденный текст имеет мало общего с куцым, обрезанным, скомканным дореволюционным переводом. Это — подлинный шедевр, забвение которого было обусловлено, видимо, лишь политическими обстоятельствами. Вскоре после начала публикации в «Птит Репюблик» (30 октября 1897 года) достиг пика публичный скандал, связанный с делом Дрейфуса. В те дни за «клевету на армию» могли посадить в тюрьму, а в романе Буссенара главный злодей — убийца и насильник — как раз офицер генерального штаба. Газета допечатала роман до конца, но публикация его отдельным изданием была, судя по всему, была абсолютно невозможной.

Надеемся, что это не последняя литературоведческая победа Е. В. Трепетовой. Русская и зарубежная литература хранит ещё много тайн.

И. Дюмина

г. «Муромский край», № 5 (4199), 17.01.2018, с. 13

Луи Буссенар в Муроме

В конце октября издательство «Азбука» — один из флагманов российского книжного рынка — выпустило роман знаменитого французского писателя Луи Буссенара «Похитители бриллиантов». Наша библиотека поспешила приобрести это уникальнейшее издание, как только оно появилось в интернет-магазинах.

Дело в том, что в подготовке этого роскошного килограммового тома увеличенного формата, с невероятно краси-

вой обложкой и старинными гравюрами, поучаствовала наша читательница — Елена Трепетова. В выходных данных она указана как один из составителей, редактор, переводчик, автор комментариев и статей.

Да, известная муромская поэтесса, член Союза писателей России, автор двух поэтических сборников, в последние годы увлечённо занималась исследованием жизни и творчества французского романиста и в этом качестве успела снискать определённую известность в России и даже за рубежом.

Два года назад, по случаю 170-летия Буссенара, наша библиотека провела встречу с ней в рамках цикла «Люди Муром: вопросы и ответы». Елена рассказала студентам о своих биографических и литературоведческих открытиях, в частности, о поисках и находке потерянного французами романа «Монмартрская сирота» (месяц спустя он впервые вышел во Франции в книжной версии).

А в этом году Елена произвела фурор в интернете, обнародовав результаты нового, на сей раз лингвостатистического исследования. Проведя экспертизу установления авторства текста методами теории распознавания образов, она пришла к категорическому выводу: три посмертных романа Луи Буссенара целиком написаны его ровесником и коллегой по «Журналу путешествий» Анри Летюрком!

И вот — новый успех: публикация в «Азбуке». Блок из переведённых муромлянок рассказов и авторских материалов занимает целых 150 страниц! Но несмотря на загруженность работой, Елена никогда не отказывает нам, если мы просим её выступить на библиотечных мероприятиях, почитать стихи русских классических и современных владимирских авторов. А сегодня мы встретились с ней, чтобы задать вопросы о новой книге.

— Елена, меня как библиотекаря просто распирает от гордости. В последний раз автор из Мурома опубликовался в столичном издательстве треть века назад (в 1986 году «Современник» напечатал «Осуждение Сократа» Юрия Фанкина). Скажите честно: трудно было пробиться в столь престижное издательство как «Азбука»?

— Усилия мои были минимальны. Куратор приключенческих серий «Азбуки», Александр Лютиков, очень активен в интернете. Три года назад на одном форуме он обмолвился, что хочет подготовить несколько томов Эмара, Жаколио, Буссенара. И я немедленно предложила написать статью или комментарии к любому роману Буссенара, проконсультровать по иллюстрациям и переводам. Он ответил: «Спасибо за предложение, обязательно воспользуюсь». То есть никаких интриг, всё абсолютно публично.

— Тогда, выходит, наоборот: «Азбуке» просто повезло, что ведущий специалист по Буссенару в России предложил своё сотрудничество именно их издательству, а не конкурентам?

— Тоже неверно. Буссенара сейчас издают многие, от отдельных книг до собраний сочинений. Но это, как правило, перепечатки куцых дореволюционных или откровенно халтурных переводов 1990-х. Я с такими издательствами иметь дело принципиально не хочу. И лишь одна «Азбука» декларирует издание приключенческой классики не только с лучшими иллюстрациями, но и в полных переводах. Поэтому сотрудничество с ней — это одновременно и мой личный выбор, и большая честь для меня.

— Елена, мы знакомы с Вами с начала двухтысячных, и для меня некоторым шоком было узнать несколько лет назад, что Вы любите Буссенара, работаете над его биографией...

— Галина Васильевна, ну кто же в здравом уме признается в любви к автору приключенческой литературы, чьи книги в лучшем случае считают произведениями для детей, а в худшем — низкопробным развлекательным чтивом? Вот я и скрывала своё увлечение сколько могла.

— А давно Вы открыли для себя этого писателя?

— Он был моей второй литературной любовью. В седьмом классе мы играли в «Брейн-ринг» против восьмиклассников и в награду за победу получили тоненькие книжки —

«Приключения в стране львов» неизвестного мне Луи Буссенара. Но уже пару недель спустя, когда брат рекомендовал мне почитать «Похитителей бриллиантов», я, взглянув на имя автора, завизжала от восторга... Однако увлечение прошло достаточно быстро: к пятнадцати годам мне уже было стыдно читать приключенческую литературу, и Буссенар был надолго забыт.

— **Тогда почему же Вы, уже будучи известным поэтом, внезапно решили заняться изучением его творчества?**

— Понимаете, в отроческие годы я мечтала заниматься вовсе не поэзией, а наукой. Видела себя астрономом, физиком-ядерщиком, наконец, литературоведом. Обучаясь в вузе по нелюбимой специальности, я, видимо, не особо себя проявила, поэтому в аспирантуру меня не позвали. Но когда в 2010 году я увидела имя моего бывшего любимого писателя в списке литераторов-самоубийц и содрогнулась от ужаса и боли, то бросилась истерически искать в интернете хоть какие-то подробности о его смерти, ухитряясь читать защищённые от просмотра страницы. И с удивлением отметила, что, загигаясь от муки, я впервые живу полной жизнью, ибо мозг мой работает не на 10 процентов, а на пределе возможного! И когда эта история благополучно завершилась (разобравшись с обстоятельствами смерти, я выступила в сети с опровержением слухов о самоубийстве), я с упоением бросилась перечитывать романы Буссенара и поняла, что больше всего на свете хочу заниматься исследованием его жизни и творчества.

— **Не зря говорят, что от судьбы не уйдёшь! Сбылась Ваша детская мечта о научной деятельности, а объектом исследования стал любимый писатель детства!**

— Разум мой всеми силами сопротивлялся этой судьбе. Если уж в 15 лет было стыдно любить «детского писателя», то в 32 и подавно. Всё решило неожиданное знакомство с тульским поклонником Буссенара Андреем Герасимовым. Я посетовала в соцсети, что не существует ни одной русской биографии Буссенара, на что он ответил: а давайте её сами и

напишем! И с того момента моя жизнь превратилась в увлекательное приключение, едва ли не каждый день приносил новое открытие — неизвестный рассказ, статью, архивный документ о жизни романиста!

— Здорово! Ну а теперь вернёмся к новой книге и поговорим о Вашем вкладе в неё. В чём заключалась роль составителей — Александра Лютикова и Елены Трепетовой?

— Составительство — это создание уникальной концепции будущего тома. Мы придумали то, что будет отличать это издание от всех других. Во-первых, это дополненный перевод, то есть заполнение пропусков в классическом переводе Виктора Финка. Во-вторых, ранее не переводившиеся рассказы Буссенара. В-третьих, большие статьи о жизни автора и журнале, в котором роман впервые увидел свет. В-четвёртых, полный комплект иллюстраций из этого самого журнала.

— А какова Ваша роль как редактора?

— Ну, роль эта достаточно импровизированная. Мне прислали готовый текст для подготовки комментариев, но в ходе работы у меня возникла потребность внести в него правки, скажем так, зоологического характера. Я спросила разрешения и постепенно провела ревизию всей упомянутой в романе южноафриканской фауны. Пользуясь оцифрованными старинными справочниками, я лихо «превращала» всех нелепых «пути», «гибсов» и «лосей» в нормальных дукеров, бушбоков и антилоп-канн — к коим уже делала примечания. Войдя в раж, я сверила перевод с подлинником от начала и до конца, исправила неточности, подшлифовала стилистику. Если хотела внести более радикальную правку, например, исправить ляп автора, то советовалась с ответственным редактором Кириллом Красником. В общем, теперь за качество текста я более-менее спокойна.

— Но ведь для такой работы нужно продвинутое знание языка! Где же Вы обучались французскому?

— Я самоучка. Полюбив Буссенара, я отдала сердце Франции, мечтала овладеть языком. Лет в 14-15 не выпускала из рук словарь, слушала радио, выучилась бегло говорить. Эти знания полтора десятка лет лежали в моей голове мёртвым грузом, вплоть до истории с «самоубийством». Ну, а последние восемь лет я, можно сказать, только на нём и читаю, веду поиски.

— В книгу вошли семь рассказов Буссенара, впервые переведённых на русский язык. Главный вопрос: где Вы их нашли?

— Пять из них я «откопала» во французской оцифрованной периодике в 2011 году. Правда, позднее выяснилось, что один уже выходил на русском, но при переводе от него «остались рожки да ножки». И ещё два рассказа мне прислали из Франции в прошлом году. Соответственно, на одних рассказах я училась переводу — и потом каждый год перечитывала и улучшала, а другие перевела буквально за три часа. Каждый рассказ соотносится с тем или иным эпизодом жизни автора, а все вместе они дополняют его образ, представленный в биографической статье.

— А интересно ли было составлять комментарии?

— Это наименее сложная, в меру творческая, в меру рутинная работа. Мне нравилось расшифровывать ссылки автора на различные литературные произведения, узнавать, чем знамениты упоминаемые в романе или рассказе люди, как выглядит та или иная антилопа. Короче, классическая поисковая деятельность — на русском, французском, а иногда и английском языках.

— Ну и наконец, пару слов о Ваших статьях.

— Статья «Жизнь Луи Буссенара и судьба его творчества» — это квинтэссенция моих наработок прежних лет, попытка втиснуть в сорок страниц основные вехи полной приключений биографии романиста. А «Журнал путешествий» и его авторы» — это новое, специально проведённое исследование, попытка рассказать о сотрудничестве Буссенара с этим

еженедельником и набросать творческие портреты двух ведущих иллюстраторов издания, Фера и Каstellи — они же авторы гравюр к «Похитителям бриллиантов».

— Елена, я прочитала роман. Восхищалась смелостью, героизмом и великодушием главных героев, очень переживала за них, ужасалась опасности предпринятого ими путешествия через Южную Африку, кишашую хищными зверями, ядовитыми тварями и шайками негодяев; я смеялась и плакала над рассказами, я буквально влюблялась в образ автора, о котором Вы пишете с таким драйвом. Я поняла, за что Вы его так обожаете. Но, может быть, Вы сами скажете?

— По мнению Ромена Роллана, «гений измеряется силой жизни, которую стремится пробудить искусство, этот несовершенный инструмент». Так вот, я боюсь озвучить напрашивающийся вывод, но творчество Буссенара — это невероятно мощный поток жизненной силы, оптимизма, героизма, бьющей через край радости. Он бесконечно мил мне романтикой дальних стран, описаниями слонов и гиппопотамов, но прежде всего Буссенар оmyвает моё сердце животворной энергией действия. За это я и люблю его.

— Спасибо. И ещё один нескромный вопрос. Пару лет назад вы с Андреем Герасимовым закончили литературоведческий детектив «Последняя авантюра Луи Буссенара», герои которого, библиотекарь и двое студентов, ведут расследование загадочной смерти романиста. Я прочла рукопись и с тех пор с нетерпением жду печатную книгу. Есть ли какие-нибудь подвижки?

— Увы, нет. Мы рассылали заявки в разные издательства, которые печатали Буссенара. Никто не заинтересовался. В итоге мы с Андреем решили, что для начала требуется создать спрос. Внушить обществу, что читать Буссенара — это круто, пробудить интерес к его жизни. А потом попробовать по второму кругу.

— Ну и традиционный вопрос: над чем Вы сейчас работаете?

— До конца года надо сдать статьи о Буссенаре для французского журнала «Рокамболь», ну а кроме того, у «Азбуки» в планах новые тома, и мне хотелось бы поучаствовать в их подготовке. Вы даже не представляете, сколь комфортным было для меня взаимодействие с сотрудниками редакции!

— Елена, мы желаем Вам успехов во всём, а читателей, желающих прочесть новую книгу «Азбуки», ждём в нашей библиотеке.

*Г. КРУЖАЛОВА,
зав. библиотекой-филиалом № 5 МБУК «ЦБС»
(на снимке — с Е. Тренетовой).*

г. «Муромский край», № 124 (4462), 06.11.2019, с. 12

Анри Летюрк, литературный негр Луи Буссенара

ЗАГАДОЧНЫЙ ЛЕТЮРК

До самого последнего времени о личности Анри Летюрка, французского писателя, творившего на рубеже XIX и XX столетий, не было известно абсолютно ничего. Его приключенческие романы («Белый индеец», «Великий Змей», «Бандиты Кордильер» и другие) регулярно переиздавались во Франции вплоть до середины прошлого века, некоторые из них переводились на итальянский, датский, шведский языки, до революции выходили и на русском, а в 2014 году за полное издание его сочинений взялся ярославский издатель В. В. Мамонов.

И всё это время — на протяжении целого столетия! — Летюрк оставался писателем-призраком: ни один специалист по приключенческой литературе не смог бы вам сказать, когда и где тот родился, кем был по роду занятий, да и вообще — настоящее ли это имя, Анри Летюрк, или псевдоним? Не-

известно с чьей подачи был пущен слух, что, возможно, под этим именем скрывался сам Луи Буссенар...

И вот тут-то я и не выдержала — и буквально в течение недели, пользуясь оцифрованными генеалогическими источниками, восстановила основные черты биографии Летюрка, который оказался совершенно реальным, а никаким не мифическим человеком.

Анри Летюрк родился в 1846 году в деревне Шамбон-ла-Форе (департамент Луаре) в семье лесоторговца Атаназы Летюрка, в 16 лет потерял мать и вскоре оставил отчий дом, не желая жить с мачехой. Испробовал множество профессий: был матросом, габарщиком, торговым агентом, бывал на Гаити и в Аргентине (а может, и в Африке, и в Китае), в 34 года устроился на железную дорогу — комиссаром по административному надзору, а вскоре — видимо, заскучав на госслужбе — начал в свободное время сочинять приключенческие романы в духе Буссенара и публиковать их в «Журнале путешествий» под своим самым что ни на есть настоящим именем. Был примерным семьянином, вырастил двух дочерей (ещё четверо детей умерли в младенчестве). В 1911 году вышел в отставку, умер предположительно в декабре 1917 года.

Основную часть этих сведений мне удалось откопать в марте 2016 года. Тут бы и сказке конец...

Однако это была лишь присказка, а самая настоящая сказка будет впереди.

Казалось бы, в биографии Летюрка не осталось больше никаких тайн... кроме одной, самой главной: а почему всё-таки он стал писателем-фантомом, без даты рождения и смерти, без биографии (а ведь она достаточно колоритна!), да и вообще — без личности? Было ли это чистой случайностью, неблагоприятным стечением обстоятельств (он умер в годы первой мировой, когда тысячи людей ежедневно гибли на фронте и никому дела не было до литературы)? Или кто-то очень могущественный был прямо заинтересован в том, чтобы Летюрк оставался в тени, особо не светился, не давал интервью журналистам, а умирая, исчез без следа? А может быть, сама Судьба решила покарать его вечным забвением за какой-то неблагоприятный поступок?

Я не знаю, какое из этих объяснений правильное. Возможно, что все три сразу. Действительно, «Журнал путешествий», который обычно откликался обширными некрологами на смерть своих сотрудников, был закрыт после призыва директора на фронт. Но правда и то, что этот самый директор был лично заинтересован в том, чтобы Летюрк исчез как можно незаметнее. Ну и неблагоприятный поступок на совести Летюрка тоже имелся...

...Они думали, что их заговор никогда не будет разоблачён. Но они просчитались. Сто два года спустя после смерти Летюрка мне удалось раскрыть их страшную тайну. И сразу же по окончании расследования я спешу поделиться ею со всем миром. Пусть восторжествует справедливость!

ТАЙНА ПОСМЕРТНЫХ РОМАНОВ

Во внерабочее время я — исследователь-буссенаровед. С 2011 года пытаюсь разгадать загадки жизни и творчества любимого писателя моего детства. О многочисленных находках и открытиях мы с соавтором Андреем Герасимовым попытались увлекательно рассказать в романе «Последняя авантюра Луи Буссенара», который, увы, пока не нашёл своего издателя и пылится у нас на жёстких дисках.

Но одну загадку нам решить так и не удалось. Впрочем, она из тех, что может не иметь решения. Потому что в таких делах «злоумышленники» документальных следов обычно не оставляют.

Это тайна посмертных романов.

Как известно, библиография Буссенара включает в себя 41 роман. Большинство из них (32) впервые увидели свет на страницах «Журнала путешествий и приключений на суше и на море». Он дебютировал там 28 апреля 1878 года с псевдо-документальным сочинением «По Австралии» (он же — приключенческий роман «Десять миллионов Красного Опоссума»), а в последний раз его подпись фигурировала в номере от 14 июня 1914 года, когда журнал завершил публикацию «Бессребреника среди жёлтых дьяволов» — четвёртого из посмертных романов Буссенара.

Четыре посмертных романа! Реально ли это? Реально, если автор по каким-то причинам вынужден писать в стол. А если это успешный и востребованный романист — нереально. И на примере Жюль Верна мы уже знаем, что за так называемые «посмертные романы» издатели вполне могут выдать сочинения, написанные другим автором «чуть более, чем полностью». Вот и насчёт Буссенара что-то подсказывало мне, что не начнись 28 июля 1914 года первая мировая война, посмертных романов Буссенара могло бы «оказаться» куда больше четырёх...

Впрочем, редакция «Журнала путешествий» сразу предупредила читателей о том, что, несмотря на безвременный уход романиста, разлука с ним произойдёт в весьма отдалённой перспективе.

Писатель скоропостижно скончался 9 сентября 1910 года, а 2 октября очередной номер журнала выходит с двухстраничным приложением, озаглавленным «Памяти Луи Буссенара». В некрологе, подписанном директором журнала Леоном Девезом, есть, в частности, такие строки (выделено мною):

«Жестоко потрясённый три месяца назад смертью любимой жены, наш несчастный друг проявил великодушную твёрдость духа, ища в труде единственное утешение, достойное себя и своего имени, и мужественно дописывал окончание романа, который мы вскоре начнём публиковать.

Но когда, ЗАВЕРШИВ РАБОТУ, он отложил перо, неумолимое горе вновь встало перед ним в полный рост, и болезнь, в свою очередь, атаковала его. Ей, увы, удалось сломить его энергию».

И чуть ниже:

«Луи Буссенар оставил нам рукописи НЕСКОЛЬКИХ РОМАНОВ, которые появятся в “Журналь де вуаяж” и доставят его преданным читателям немало захватывающих переживаний».

Выделенные утверждения мне всегда казались весьма сомнительными, а сегодня я с полной уверенностью могу заявить, что они откровенно лживы.

Нет, ответственно заявляю я вам, Буссенар не успел завершить роман, чья публикация началась через месяц (6 ноября) после выхода этого некролога. Нет, Буссенар не оставлял Девезу рукописей «нескольких романов» (это с учётом того, что слово «несколько», plusieurs, по-французски означает «два или более»).

То есть уже в самые первые дни после ухода писателя в голове директора созрел коварный план... реализацию которого с успехом продолжил его преемник, он же племянник Поль Шарпантье, поскольку сам Девез, возглавлявший «Журналь де вуаяж» более 20 лет, пережил своего друга Буссенара лишь на полгода.

ДЛИННОУХИЕ АГАМИ И ТРИ ВОСКРЕСШИХ МЕРТВЕЦА

Ну а что всё-таки натолкнуло нас на мысль, что посмертные романы Буссенара — подделка?

Да просто-напросто наличие в них невероятного числа ляпов, на которые мэтр просто органически был не способен!

Начнём наш обзор с первого посмертного романа, «Железной Руки» (1910-1911). Это исключительно добротное, весьма стильное сочинение, в котором, несмотря на некоторую вторичность образов (тут и донкихотствующий инженер с огромными кулаками, и смекалистый парижский гамен), чувствуется рука мастера.

Действие происходит в 1909 году в Гвиане — стране, которую Буссенар посетил в 1880-1881 годах и которой посвятил несколько произведений. Конечно, автор давно исчерпал запасы своих наблюдений, и ему приходится повторяться, но всё-таки книга содержит массу ярких страноведческих сведений, которые постороннему человеку списать попросту неоткуда (налицо знание им креольского наречия, каторжного арго и так далее). Очень ярким получился и образ Мадьяны — креольской певицы и укротительницы змей. Нет, что ни говори, а роман очень даже недурён.

Ерунда начинается только в третьей части. Так, силач Том Канон отчего-то становится Канноном, домовладелец

Франсуа Мери превращается в Реми, а вознаграждение индейцам за поимку беглого каторжника падает с 25 до 20 франков.

Но это бы полбеды. Ну не успел Буссенар перечитать написанное и тем более глянуть корректуру. Но не мог же он наделать откровенно идиотских ошибок в описании гвианской фауны!

Третья глава третьей части дарит нам сразу четыре замечательных ляпа. В ней описывается блуждание юного парижанина Мустика, сбежавшего из плена бандитов, в гвианских джунглях, вблизи от берегов Марони.

Итак, как же удалось Мустикку прокормиться в девственном экваториальном лесу? А просто. Сначала он поймал за уши агами — гвианского кролика — ну, и зажарил его на костре.

Ну извините! Пробегающего мимо агами, да будет вам известно, можно схватить разве что за шею, за клюв или на худой конец за крыло — но никак не за уши! Поскольку это никакой не кролик, а пернатое из семейства цаплевых! А ведь в первой и второй части Буссенар уже упоминал агами — трубящих и машущих крыльями, с выводком птенцов! Кролики в Гвиане тоже есть, но только называются они тапети, и длина их ушей не превышает 5,4 см. Или же наборщик оба раза опечтался, а автор имел в виду агути? Ну так у агути ушки ещё меньше! Так что, как ни крути, а этот пассаж написан человеком, совершенно не разбирающимся в животном мире Гвианы.

На другой день Мустикку удалось полакомиться гукко, который на свою беду и на счастье подростка свалился с дерева и сломал себе лапу... Вообще-то никаких гукко в Гвиане нет, там есть гокко, увесистое такое пернатое из семейства курообразных. Не знаю, как вы, но я не в состоянии вообразить себе такую ситуацию, чтобы какой-нибудь тетерев сломал лапу при падении с дерева.

А приключения Мустика в джунглях продолжает встреча с тигром, от которого тот прячется на дереве и дрожит как осиновый лист, ибо не знает, в силу своего юного возраста, что тигры по деревьям не лазают! Стоп-стоп. По деревьям не

лазают разве что бенгальские да уссурийские тигры (ну, и прочие, которые в полоску), а вот их сородичи из Южной Америки (которые в пятнышках) очень даже легко взбираются по стволам и веткам на приличную высоту! И кабы этот фрагмент писал Буссенар, он бы такой ерунды не городил, и к тому же пояснил бы, что тиграми в Гвиане называют ягуаров!

Ну и — вишенка на торте. От тигра Мустика спасает не кто-нибудь, а пробежавшее мимо дерева стадо гуанако — это, согласно автору, такие длинношеие и длинношёрстные животные, которые похожи на верблюдов и умеют плевать. Ну да, гуанако такие и есть. Только живут они в высокогорных районах Анд, а не в экваториальных джунглях. Ну не бегают гуанако по берегам Марони, вот хоть тресни.

Спрашивается: ну разве мог отважный исследователь Гвианы Луи Буссенар, даже находясь при смерти, в горячем бреду, нагородить столько зоологической ерунды на единицу текста (в пределах одной главы)?

Вывод напрашивается сам собой: смерть оборвала работу писателя над его последним романом. Третью часть за него дописывал кто-то другой.

Идём дальше. На очереди у нас второй посмертный роман — «Капитан Ртуть» (1911-1912). Он завершает цикл исторических романов Буссенара, посвящённых войнам Наполеона III. К пятидесятилетию Крымской войны Буссенар написал роман «Жан Оторва с Малахова кургана» (1902-1903), к пятидесятилетию Итальянской кампании — роман «Под барабанный бой» (1909-1910), ну а завершает «зуавскую трилогию» посмертный роман «Капитан Ртуть», вышедший к пятидесятилетию позорной мексиканской авантюры того же Наполеона. Цикл объединяет один второстепенный персонаж — горнист Бек-Сале (в ладомирском переводе — Питух, в дореволюционном — Солёный Клюв).

И вот хоть убейте! — никаких видимых признаков чужой доработки в «Капитане Ртуть» я не нахожу. Увлекательный сюжет, тщательно прописанный исторический и географический фон, возвышенные, безрассудно-благородные, поистине буссенаровские герои. Я неоднократно перечитывала

русский перевод, выборочно просматривала подлинник. Моё мнение: это Буссенар чистой воды.

Как такое могло случиться? Чтобы после явной подделки вышел подлинник? Ну, наверное, писатель мог сочинить роман одновременно с «Барабанным боем», погрузившись в атмосферу давних войн, но отложить публикацию до «круглой даты»...

Что же до двух последних посмертных романов — «Новые приключения парижанина» (1912-1913) и «Бессребреник среди жёлтых дьяволов» (1913-1914) — то, положив руку на сердце, Буссенаром там и не пахнет.

Хотя внешне — это Буссенар в квадрате: каждый из этих романов венчает по два буссенаровских цикла. В «Новых приключениях» главными героями являются Тоттор и Меринос, знакомые нам по дилогии «Сын парижанина» (1905-1906) и «Архипелаг чудовищ» (1906-1907), к которым в третьей части присоединяется сам Фрике, герой пяти романов 1879-1886 годов.

А в «Бессребренике» на сцену вновь выходят Жорж Солиньяк и Клавдия Остин — герои романов «Без гроша в кармане» (1895-1896) и «Бенгальские душиатели» (1898-1899), а также Поль Редон из «Ледяного ада» (1899-1900).

Другими словами, последние посмертные романы — это своего рода паноптикум наиболее известных, знаковых персонажей Буссенара. Можно подумать, что писатель уже за несколько лет до смерти решил ярко обставить свой уход и подсластить публике горечь утраты обожаемого автора встречей с самыми любимившимися ей персонажами.

Только вот как согласуется такое предположение с письмом романиста от 24 октября 1904 года, в котором он отказался от приглашения на свадьбу племянницы, мотивируя это тем, что срывает сроки сдачи очередного романа («Мексиканская невеста»), и у него нет ни единого часа свободного времени? И тут вдруг — четыре посмертных произведения! Собрал волю в кулак и выдал на-гора? В голове не укладывается!

Да и «парад» знаменитых героев получился совсем не триумфальным. Оба последних романа откровенно слабы и

скучны. Несмотря на множество приключений, они производят довольно тягостное впечатление — как пестротой и бесвязностью событий, так и утратой героями их обаяния. Тоттор и Меринос, чистые духом 17-летние подростки, выжившие на архипелаге чудовищ, несколько месяцев спустя едут за адреналином в Центральную Африку, где предстают мрачными циниками, упивающимися властью и насилием. Вот образчик речей Тоттора, общающегося с представителями дружелюбного ему племени коттоло:

— *Встанешь ты или нет, обезьянье отродье?*

— *Кажется, эти скоты и не думают накормить нас чем-нибудь существеннее.*

— *Они как стая собак, чествующих своего хозяина.*

— *Ты меня понял, презренный раб?*

А вот образчик авторской речи:

«Коттоло и вправду смирились: Тоттор, которого они считают существом сверхъестественным, внушает им ужас, а страх, как известно, лучший инструмент господства».

И это — Буссенар? А этот расист, фашист, имперец, циник и властолюбец — прекраснодушный Тоттор, сын парижского гамена?

Не верю!

Но роман преподнесёт нам ещё немало сюрпризов. И самый неожиданный — это «воскрешение» мамыши Риммер. В первой части из рассказа эльзасца Фрица Риммера мы узнаём, что когда его, уроженца Парижа, арестовали немецкие власти, осудили за уклонение от воинской повинности и сослали в Камерун — его мать не выдержала горя, и через две недели её уже провожали на кладбище. А в третьей части отец Тоттора, Фрике, мило беседует... с обоими родителями Фрица Риммера!

И что вы думаете? — этот курьёзный ляп... повторяется в «Бессребренике»! Только там «воскресших» уже двое! То есть Солиньяка, Клавдии и Редона автору показалось мало, и он решил под занавес вывести на сцену ещё одного буссенаровского персонажа — юного героя «Бенгальских душителей» Патрика Леннокса, который с тех пор повзрослел и те-

перь работает банкиром в Сеуле. На радостях от встречи с Солиньяком, Патрик вспоминает и свою сестру, которая вышла замуж за первого лейтенанта Её Величества, и своего отца, герцога Ричмондского, который ныне «продолжает дело труда и прогресса в Палате лордов»...

Для справки: действие романа происходит в период русско-японской войны, в 1905 году... А автор-то и не в курсе, что пятью годами ранее оба — и отец, и сын Ленноксы — воевали против буров в Трансваале (ага, «продолжали дело труда и прогресса»...), и в итоге были УБИТЫ ещё одним весьма популярным буссенаровским персонажем — Полем Поттером!

То есть автор, получается, попросту НЕ ЧИТАЛ самого знакового буссенаровского романа — «Капитан Сорвиголова»!

В общем, уже восемь лет я пребываю в полной уверенности, что так называемые «посмертные романы» — это грубая подделка, топорно и неряшливо сработанная неким безвестным анонимом по заказу директора «Журнала путешествий», коему внезапная смерть старейшего и известнейшего сотрудника была ох как невыгодна...

...и скрежещу зубами от бессилия, ибо доказать это всему миру, вывести на чистую воду фальсификатора мне представляется абсолютно нереальным!..

БУССЕНАР И ЛЕТЮРК

В феврале 2016 года по случаю недавнего выхода в издательстве Мамонова книги «Драма в Андах» на одном популярном форуме в очередной раз был поднят вопрос о личности Летюрка. Один из читателей высказал несогласие с озвученной в послесловии гипотезой, что под именем Летюрка мог скрываться сам Буссенар. Дескать, в романе полностью отсутствует научная начинка, зато в изобилии наличествуют испанские выражения и кипят поистине латиноамериканские страсти. Форумчанина поддержал и другой читатель: с Буссенаром, действительно, общего мало, а вот с Гюставом Эмаром что-то есть. А третий участник форума возразил: ну, вообще-то у Летюрка есть и романы, похожие на буссенаровские...

Именно эта полемика и вдохновила меня на поиски, буквально неделю спустя увенчавшиеся установлением личности Летюрка. Ну а поскольку моё открытие, как и любое новое знание, было встречено сообществом в штыки, я с головой бросилась в чтение летюрковских романов, ища подтверждения моим биографическим находкам...

...и вскоре поняла, что для настырных слухов о тождестве Летюрка и Буссенара были кое-какие основания.

Даже в самых что ни на есть латиноамериканских романах, где антураж совершенно не буссенаровский — пампа, гаучо, касики, алькальды, эстансьеро, сеньориты, навахи, пончо, сомбреро — нет-нет да и вылезают буссенаровские уши.

В «Белом индейце» (1894-1895), к примеру, трое персонажей (аргентинский акробат, французский матрос и прикнувший к ним ягуар) спасаются с осаждённого кайманами острова в кожаной корзине, в которую они впрягают пятнадцать грифов.

Скажите — ерунда? А ведь эту ерунду пятнадцатью годами ранее «опробовал» ещё Буссенар: у него Фрике перелетает через Анды в «повозке», влекомой двумя кондорами и управляемой палкой с куском мяса на конце!

«Великий Змей» (1896-1897) заставляет вспомнить и «Необыкновенные приключения Синего Человека» (поиск золотого клада в бразильских джунглях), и «Похитителей бриллиантов» (наличие двух конкурирующих групп, одна из которых похитила у другой карту).

«Беглец с каторги» (1898-1899) — нелепая и смешная калька с буссенаровского романа «Из Парижа в Бразилию по суше»: летюрковский железнодорожник тоже совершает путешествие из Франции в Америку через Сибирь и Берингов пролив. А главный герой, двухметровый добряк, которого постоянно пилит жена за невысокий заработок, за каждую порванную пару перчаток, и полностью преображающийся, распрямляющий плечи в экстремальных условиях — это ж натуральная копия буссенаровского Синего Человека!

Ну в общем — что вы хотите? Буссенар дебютировал как романист в 1878 году. Летюрк — шестнадцать лет спустя.

Публиковались они в одном журнале, то параллельно, на соседних страницах, то сменяя друг друга. И «младший» на первых порах учился у «старшего» (хотя Летюрк и родился за полтора года до Буссенара, в творчестве он, конечно, младший — старательный ученик и подражатель).

Уж не знаю, задевало ли Буссенара столь демонстративное копирование, или вызывало лишь улыбку, только и он тоже... в долгу не остался! Я нашла как минимум два случая «обратного заимствования»! Источником вдохновения Буссенара послужил этот же самый «Беглец с каторги».

Главный герой, французский железнодорожник Барбишон, помогает забайкальским казакам уничтожить огромную бурятскую банду *vog'ов* и прочих *brod'ag*, грабящую чайные караваны из Китая. Он просто-напросто велит привязать к хвостам быков самодельные запалы и двинуть стадо на толпу бандитов. Детонация... обезумевшие животные... серия взрывов... Сто пятьдесят бандитов мертвы.

А два года спустя тот же самый «Журнал де вуаяж» начинает публиковать роман Буссенара «Капитан Сорвиголова»!

Но надо сказать, что если у Летюрка — сплошное ребячество, то Буссенару с помощью бургских коров удаётся создать эпизод невиданной мощи.

Ну и второй эпизод. Барбишон находит в России двоюродного брата — тоже внука французского офицера, участника войны 1812 года... Через три года эту «семейную конфигурацию» воспроизведёт Буссенар при создании «Жана-Оторвы с Малахова кургана», только там будут фигурировать уже не кузены-каторжане Барбишон и Барбисков, а братья-враги, сыновья пленного офицера наполеоновской армии, военнослужащие воюющих государств Жан Бургёй и Павел Михайлович Бургёй...

Одним словом, Луи Буссенар и Анри Летюрк — это в некотором смысле «близнецы-братья», два «столпа» «Журнала путешествий», охотно обменивавшиеся сюжетами и старавшиеся превзойти друг друга в придумывании самых невероятных историй на географическом материале...

Общались ли они лично? Доподлинных свидетельств об этом нет. Но мне как-то трудно представить, что можно годами публиковаться на соседних страницах одного издания и не удосужиться познакомиться друг с другом.

Да к тому же, они не только коллеги-ровесники, но и земляки! Их родные деревни — Экренн и Шамбон — находятся в каких-то 12 километрах друг от друга! О, если бы знать, где Летюрк получал среднее образование! Похоже, что не в Орлеанском лицее — его имя ни разу не фигурирует в списках отличившихся школяров. Может быть, в Париже? Или — совсем рядом с домом, в Питивье, в пансионе Антуана Борьё, где учился и Буссенар?..

Если дело обстояло именно так, если Буссенар и Летюрк несколько лет прожили бок о бок, то вопрос о том, кто помог Летюрку войти в литературу, кто помог опубликоваться в «Журнале путешествий», отпал бы сам собой...

АТАНАЗ КАК УЛИКА

Чаще всего гениальная мысль приходит в голову случайно и безо всякого повода. 31 марта 2016 года (через месяц после «разоблачения» Летюрка) я писала своему напарнику:

«Я вот о чём нонче подумала. Летюрк вышел на пенсию (и не по болезни, а по выслуге) в 1911 году, дожил до 1917-го, но после 1911-го не публиковался. Буссенар, напротив, умер в 1910-м, но печатался вплоть до 1914-го. Я всегда думала, что посмертный Буссенар — это подделка. Но мало сказать, что это не он — нужно же предположить, кто вообще в принципе мог писать “под Буссенара”! Вот Летюрк мог бы запросто. Он это уже доказал. А ведь вдруг вызывает его главред ЖдВ и говорит: пиши под именем Буссенара — и получать будешь, как он! Ну ведь последние книги — они ж такие грубые, без явного насилия, но грубые, неотёсанные. Под статью Летюрку...»

Эта мысль, которую я спервоначалу и не восприняла серьёзно, в считанные дни накрепко укоренилась в моём мозгу. И уж теперь-то я лихорадочно читала летюрковские романы не с целью обнаружить в них какие-нибудь новые автобио-

графические данные, а ища в них сходство с посмертными романами Буссенара.

В этом контексте исключительно сильное впечатление на меня произвёл роман «Матрос Картагю» (1903-1904). Нет, сюжетно там ничто не напоминает Буссенара — ни прижизненного, ни посмертного. Но атмосфера, атмосфера-то — один в один как в «Новых приключениях парижанина»! Та же «чёрная Африка». У Летюрка — это Золотой Берег (нынешняя Гана) и Нигер, у Буссенара — граница Конго и Камеруна.

В обоих романах — кровавые бои местных племён между собой и противостояние колонизаторам (англичанам и немцам соответственно), мотив исламизации Центральной Африки, работорговля, множество конкурирующих колдунов — и все прощелыги, ни на грош не верящие в местных духов.

В обоих романах верными друзьями белых героев выступают «европеизировавшиеся» аборигены. У Летюрка это чернокожий Бамбула-Рама, наследник вождя племени бобо, который когда-то был выкуплен капитаном Спардеком у негодяя-англичанина Уильяма Реда, плавал вместе с ним в качестве матроса, а после отставки капитана вернулся в своё племя. Буссенаровский колдун Хорош-Гусь после побега из дома был увезён во Францию французским офицером, после его смерти работал на Монмартре, затем вернулся в Африку. Оба фанатически любят французов, рады неожиданной встрече с ними, всячески помогают им противостоять врагам (соответственно англичанам и немцам).

В обоих романах сильны колониалистские идеи. Узнав, что сын в плену, Фрике едет в Африку и уговаривает начальника ближайшего французского форта атаковать дворец султана Си-Норосси. Результат: ещё кусочек земли переходит под власть Франции. Фрике теперь намерен основать общество завоевания Африки.

Негр Бамбула, чтобы спасти от казни капитана Спардека, бежит за помощью в ближайший французский форт, и отряд спаги атакует деревню колдуна. Освобождённые Картагю конголезские рабы согласны остаться в Нигере и поселиться близ будущего нового французского форта. Результат: освоение Францией новых территорий.

В обоих романах авторский шовинизм абсолютно тошнотворен. Это притом что у меня порог терпимости к французскому патриотизму исключительно высок. Будучи убеждённой франкофилкой, я обычно не испытываю неловкости, иронии или негодования, когда Буссенар начинает излишне пылко демонстрировать свои патриотические чувства: я понимаю и разделяю их. Читая Летюрка (и «Новые приключения парижанина»), я испытываю стыд и отвращение.

Ну, и до кучи. Уже в первой главе «Новых приключений парижанина» описывается балафон (впервые у Буссенара): «Смеялись, пили, пели. Вождь взял свой балафон — инструмент, напоминавший одновременно банджо и барабан, и, вооружившись двумя маленькими палочками с каучуковыми наконечниками, извлёк из него, и довольно удачно, какую-то мелодию. А колдун за его спиной в такт позвякивал колокольцами».

Балафон фигурирует и в книге Летюрка, да ещё и с таким примечанием: «Автор слышал в Дакаре игру на балафоне, через пять минут он был вынужден убежать из страха сойти с ума. Ему казалось, будто по его голове колотят молотком».

Ну, и напоследок. В книге Буссенара попадаете совершенно нехарактерный для него «живописный» эпитет: человеческие лица в сапожной мастерской Риммера выступают из полутьмы... словно на картине Рембрандта! А у Летюрка на ладанке, вручаемой негритянским вождём белому, изображена репродукция «Анжелюса» Милле.

Но всё это к делу не пришьёшь! Мы же знаем, что и Буссенар, и Летюрк охотно подворовывали друг у друга интересные сюжетные находки...

Четвёртый посмертный роман Буссенара тоже быстро нашёл себе «пару» в творчестве Летюрка — роман «Едоки песка» (1905-1906). У Буссенара действие происходит в Манчжурии и Корее, у Летюрка — в Корее, Манчжурии, Китае и Тибете. В предыстории героев важную роль играет Боксёрское восстание 1900 года. В обоих романах один из главных героев — юный парижанин, юный мартигалец — берёт в жё-

ны юную кореянку (для Летюрка вообще характерен межрасовый брак, для Буссенара — нет).

На этом сюжетное сходство вроде заканчивается...

Зато одно из имён персонажей звучит... как авторская подпись Летюрка!

Посудите сами. Очень многим героям Летюрк раздал имена своих родных и близких: Шарль из «Белого индейца» назван, очевидно, в честь деда, Поль из «Великого Змея» — в честь орлеанского кузена, Рени и Берталь Ле-Манеки из «Трёхмачтовика “Тир-Лир”» — это анаграммы имён автора и его брата — Анри и Альбера Летюрков, Рене и Марта из «Матроса Картагю» носят имена племянника и дочери автора, наконец Мэри из «Охотников за бирюзой», возможно, названа в честь жены — Мари. И кого тогда не хватает? А не хватает отца, не хватает героя, носящего имя Атаназ!

...И в один прекрасный день я нашла-таки этого Атанаса. Атаназ Галюше — таково настоящее имя Буль-де-Сона, юного парижанина из «Бессребреника среди жёлтых дьяволов»!!!

С того самого дня авторство Летюрка в отношении посмертных романов Буссенара стало для меня бесспорным.

И я кусала локти оттого, что «Журнал путешествий» после 1909 года не оцифрован, иначе бы мигом опознала бы Летюрка по его стилю, по его любимым словечкам: *gourdin* (дубина), *tonitruant* (громогласный), *donner l'accolade* (запечатлеть поцелуй), а *brule-pourpoint* (ни с того, ни с сего), *bouche bee* (разинув рот), *acquiescer* (соглашаться), а также *reves de Perrette* (мечты Перетты, то есть героини басни Лафонтена «Молочница и горшок с молоком»).

Я немедленно написала своему другу и коллеге-буссенароведу Тьерри Шеврие, он мигом откликнулся и в считанные дни приобрёл и выслал мне для экспертизы два посмертных романа Буссенара...

Но, увы! Встречаемость «чисто летюрковских» слов в них оказалась совсем ничтожной!

Пришлось тяжело вздохнуть и отложить вопрос до лучших времён. Ничего, думала я, если мы доживём до того дня, когда посмертные романы будут не просто отсканирова-

ны, но и РАСПОЗНАНЫ, тогда, несомненно, и кибернетические методы определения авторства достигнут совершенства — и Летюрок наконец будет разоблачён!..

ПО МЕТОДУ ПРОФЕССОРА МАРУСЕНКО

За два с половиной года, минувших с той поры, я не раз возвращалась к Летюрку, к его творчеству, к генеалогическим поискам. Дату и место смерти установить так и не удалось, зато были найдены документы о плавании на Гаити, о браке, о рождении первых детей...

Большой неожиданностью стало установление факта работы под псевдонимом: в 1898-1901 годах Летюрок опубликовал в том же «Журнале путешествий» 12 очерков о Южной Америке, подписанных вымышленным именем Ашель (Nachelle) — образованным, несомненно, от инициалов автора: Н. Л.

Оставим за скобками вопрос, что мешало Летюрку напечатать их под настоящим именем (возможно, из-за того, что реальный образ Аргентины крайне отличается от того, что он создал в своих романах), и сделаем упор на то, что Летюрок не особо цеплялся за своё имя — а раз он мог стать Ашелем, то что ему мешало перевоплотиться и в Буссенара?

...В январе 2019 года я начала подготовку к написанию статьи о Буссенаре-журналисте (то есть о нескольких годах сотрудничества в ежедневной прессе). Скачивая подписанные им заметки, а также анонимные, но предположительно принадлежащие его перу, я внезапно наткнулась на пять анонимных репортажей, которые, будь их авторство доказано, стали бы вершиной его журналистской работы, а равно прояснили бы нам мотивы написания нескольких романов.

Желая во что бы то ни стало доказать авторство Буссенара, я стала искать в сети методику автоматизированного установления авторства, и вскоре напала на сайт <http://corneille-moliere.com>.

На данном ресурсе выложены результаты исследований группы питерских учёных, аспирантов кафедры математической лингвистики СПбГУ, защитивших за последние пару

десятилетий кандидатские диссертации под научным руководством доктора филологических наук, профессора М. А. Марусенко, адаптировавшего в 1990 году теорию распознавания образов для целей атрибуции анонимных и псевдонимных литературных произведений.

На сайте можно почитать об атрибуции комедий Мольера, романов Эмиля Ажара, анонимного «Романа Виолетты», средневекового романа «Вильгельм Английский», а также анонимных статей, приписываемых Пушкину и Достоевскому. Какие-то разделы подробные, какие-то набросаны лишь начерно, некоторые исследования гораздо подробнее изложены в иноязычных версиях сайта.

Методика Марусенко основывается на научных представлениях (множественно подтверждённых эмпирически) об авторском инварианте. Иными словами, о чём бы ни писал автор, об узурпации ли верховной власти на острове Борнео европейским путешественником, сопровождаемым приручённым тигром, или же о повседневной жизни французских крестьян в постреволюционные годы, он неизменно пользуется одинаковыми, лишь ему присущими синтаксическими конструкциями. Поэтому достаточно описать его стиль в математических параметрах, отобрать из них те, по которым он значительно отличается от стиля предполагаемого автора — и сравнить эти параметры с параметрами спорного текста.

И я пропала!

Конечно, от идеи атрибутировать пять репортажей пришлось вскоре отказаться, поскольку методика Марусенко предполагает непременно наличие альтернативной гипотезы авторства (а её выдвинуть нельзя — ибо абсолютно все тексты в газете анонимны!), зато — о, чудо! — она не требует наличия распознанного текста! Печатной книги или скана на экране компьютера вполне достаточно! То есть нужно лишь вникнуть в суть методики и освоить программу Microsoft Excel, чтобы провести атрибуцию посмертных романов!!!

На долгие недели моим основным чтением стали разделы сайта, заполненные Еленой Родионовой, автором диссертации о проблеме «Корнель — Мольер», Валентиной Чепигой, автором диссертации «Сравнительно-стилистический анализ

произведений Ромена Гари и Эмиля Ажара», а также дипломная работа Данила Павлова «Атрибуция анонимных и псевдонимных текстов на примере ранних работ Довлатова» (две первые — в силу франкоязычности атрибутируемых произведений и доступности исследований на двух языках; третья — в силу простоты и понятности изложения).

22 января я приступила к работе, которую худо-бедно, кое-где отступив от правил методики, смогла закончить только 10 апреля! Это ужас!!! Это свыше сил человеческих!

Итак, всё по порядку.

Сначала мы сформируем атрибуционную гипотезу, которая звучит так:

Нулевая гипотеза (H0): все посмертные романы Буссенара («Железная Рука», «Капитан Ртуть», «Новые приключения парижанина» и «Бессребреник среди жёлтых дьяволов») принадлежат Луи Буссенару.

Альтернативная гипотеза (H1) будет такой: часть посмертных романов Буссенара принадлежат Анри Летюрку или иным лицам.

Теперь требуется сформировать априорные классы, состав которых должен отвечать требованиям жанровой, стилевой и хронологической однородности с атрибутируемыми текстами.

Поскольку ни один атрибутируемый текст, кто бы ни был его автором, не мог быть написан ранее 1905 года (в первом романе действие разворачивается в 1909-м, второй написан явно после романа «Под барабанный бой», продолжением которого является, третий написан после «Архипелага чудовищ», продолжением которого является, в четвёртом действие разворачивается в 1905 году), то из огромного массива прижизненных романов Буссенара (37) и десяти доступных онлайн романов Летюрка мы чисто волонтаристски отберём только те, что были опубликованы в «Журнале путешествий» не ранее второй половины 1905 года, чем обеспечим крайне высокую степень стилистического родства реального автора с атрибутируемыми романами. То есть классы у нас будут не априорными, а рабочими.

К рабочему классу «Буссенар» относятся, таким образом, следующие романы:

«Сын парижанина» (5.11.1905 — 29.07.1906)

«Архипелаг чудовищ» (2.12.1906 — 18.08.1907)

«Приключения воздухоплателей» (20.10.1907 — 5.07.1908)

«Том-Укротитель» (18.10.1908 — 23.05.1909)

«Под барабанный бой» (17.10.1909 — 5.06.1910)

Мощность каждого из них мы на глазок оценим в 3000 предложений авторского текста (впоследствии опытным путём подтвердилось, что она немного меньше).

К рабочему классу «Летюрк» относятся следующие романы:

«Едоки песка» (5.11.1905 — 29.04.1906)

«Последняя кампания Трубы» (07.04.1907 — 20.10.1907)

«Охотники за бирюзой» (09.05.1909 — 21.11.1909)

«Разбойники льяносов» (21.05.1911 — 26.11.1911)

Их мощность мы на глазок оценим в 2000 предложений авторского текста (впоследствии я подсчитала объём первого из них, у меня получилось 1851).

Все вошедшие в рабочие классы романы являются приключенческими (географическими или историческими, один роман Буссенара написан в жанре приключенческой фантастики), повествование (вне зависимости от эпохи) ведётся в настоящем времени (Present), во всех романах очень много диалогов.

Априорный словарь параметров я позаимствовала из работы В. Чепиги, поскольку она имела дело с современной французской прозой, и добавила к нему один параметр из словаря Е. Родионовой (число имён числительных).

Для описания рабочих классов я первоначально планировала сделать выборку из 100 предложений из каждого класса, однако подошла к делу безо всяких элементарных знаний о статистическом обследовании, поэтому после отбора 20 предложений из первых романов рабочих классов я поняла, что придуманный мной алгоритм отбора не даёт объективных представлений о тексте. Я выписывала второе предложение в

каждой главе, однако вскоре заметила, что авторы очень тщательно работают над начальными абзацами, из-за чего длина предложений в них неизменно превышает среднюю в тексте.

Желая исправить дело, я решила удлинить выборки до 200 предложений, добила выборки из обоих первых романов предпоследними предложениями в главах, после чего перешла на отбор первого и последнего предложения на второй странице авторского текста в очередном номере журнала (как правило, еженедельная порция располагается на трёх страницах — две неполные (полполосы, колонка) и одна целая (средняя). Такой алгоритм отбора полностью удовлетворяет требованию случайности.

Одновременно с этим я отсматривала множество обучающих видеороликов о работе в программе Excel, о построении таблиц, автозаполнении строк, закреплении областей, использовании математических формул.

По окончании формирования двух выборок (по 40 предложений из каждого романа, входящего в класс «Буссенар», и по 50 — из романов класса «Летюрк») я начала описание отобранных предложений на языке априорного словаря параметров.

На этом этапе я совершила очередное, самое грубое отступление от правил. Тому были совершенно объективные причины. Я — франкофон-самоучка. Я никогда не изучала язык академическим способом и на академическом уровне. Да, я свободно читаю на нём, веду деловую переписку. Но зачастую и понятия не имею, какие части речи или синтаксические конструкции я использую.

Больше месяца я не выпускала из рук Bescherelle (справочник по французскому языку), каждый день искала в сети ответы на мучающие меня вопросы: как различать, когда слово que является союзом, когда местоимением, а когда наречием, как отличить причастие прошедшего времени от прилагательного, что такое абсолютный оборот и т. д., но в один прекрасный момент с горечью поняла, что дальше продвинуться всё равно не могу. То есть забить столбцы ерундой — могу, а качественно параметризовать текст не могу. К тому же, приходилось каждый день на ночь глотать успокоительное: моз-

ги просто не выдерживали того напряжения, которому я их подвергала. У меня было полное нервное истощение.

И я заставила себя остановиться. Я описала две выборки по 30 параметрам из 55. И у меня на руках было четыре информативных параметра.

Информативные параметры — это такие, которые позволяют разграничивать два класса.

Определяются они так. В двух листах (у меня — В и L) экселевского документа создаются две таблицы, в первой строке перечисляются параметры (число существительных, прилагательных, наречий, подлежащих, знаменательных и служебных слов, элементарных предложений в составе сложного, сочинённых, главных и подчинённых предложений и т. д.), во второй — шифр параметра (X01, X02, X03...), в первом столбце — номера предложений.

Таблица заполняется по колонкам. Сначала подсчитывается, допустим, число сочинённых предложений (X04) в каждом из 200 предложений буссенаровской выборки, потом вычисляется среднее арифметическое (формула СРЗНАЧ во вкладке Формулы — Другие функции — Статистические) и под ним — стандартное отклонение по выборке (формула СТАНДОТКЛОН.В там же). Когда то же самое будет проделано со второй страницей (с Летюрком), нужно сравнить два множества по t-критерию Стьюдента.

Формула для этого параметра выглядит так:

$$=(V!E204-L!E204)/(V!E205^2/200+L!E205^2/200)^{0,5}$$

Иными словами, разница средних, делённая на корень квадратный из суммы квадратов стандартных отклонений, делённых на объёмы выборок (200 предложений).

На самом деле, всё это элементарно, достаточно выполнить сие действие по одному параметру, а потом применить автозаполнение. Тогда добил очередной параметр по Летюрку, перевернул страницу назад — и видишь готовую цифру. Радуетесь или печальитесь.

Если значение t-критерия Стьюдента меньше 1,96, различие между двумя множествами считается несущественным. Если превышает этот порог — это годный параметр для различения двух классов.

Итак, после заполнения 30 столбцов были выявлены четыре информативных параметра:

число сочинённых предложений (X04);

число именных форм глагола (X21);

число подчинительных союзов (X25);

число однородных групп (X32).

Первые три параметра выше у Летюрка, четвёртый — у Буссенара.

ЗАГАДКА МНОГОТОЧИЯ

Нет, знаки препинания не входят в априорный словарь параметров. И тем не менее, многоточие помогло мне найти ту самую границу, где кончается буссенаровский текст и начинается текст фальсификатора.

Как-то, листая «Журнал путешествий», я в очередной раз обратила внимание на то, что в посмертных романах мэтра страницы просто рябят от многоточий, вставленных где ни попадя, по делу и без дела.

Я сразу стала листать, кто же из авторов журнала отличался любовью к этому знаку препинания. Оказалось — никто. Больше всего многоточий использовал Буссенар. Вот наглядный пример:

— *Eh bien! Oui, j'essaierai... je ferai mon possible... Mais quand vous aurez ete ma femme. Sans cela, vous savez... rien de promis! Allons, réfléchissez; moi, je m'en vais chez Josuah tacher d'arranger l'affaire... Oui, que le Diable fusille mon ame! Je reussirai... Il y aura peut-etre du tirage... Enfin, esperez.*

Казалось бы, тут и сказке конец. Но теперь-то я знала, что прямая речь исключается из стилеметрического анализа. Так что посмотрим лучше на фрагменты с авторским текстом... И я вижу, что, за исключением прямой речи, у Буссенара этих многоточий не так-то много!

И я стала искать, где пролегает эта граница, после которой возникают эти нелепые многоточия. Я нащупала её, сделала необходимые вычисления, и — точно! — число многоточий резко взлетает вверх начиная со второй главы третьей части «Железной Руки»! Во всей первой части я насчитала 89

многоточий в авторской речи, во второй — 49, а в третьей — 52! Ну всё, теперь можно разделить первый из атрибутируемых текстов на два фрагмента: A1a и A1b.

А поскольку ни Летюрк, ни кто-либо другой из сотрудников «Журнала путешествий» не проявляли склонности к многоточию, следует предположить, что фальсификатору дали установку — вставлять многоточия куда только можно и куда нельзя, чтобы текст был внешне похожим на буссенаровский! Ловко придумано, да? Одного не учли: базовых принципов стилеметрии...

Кстати, петрушка с многоточиями продолжилась и в «Капитане Ргуть»... То есть его тоже писал не Буссенар?.. Боже, я не могу в это поверить!

Ну, а теперь можно переходить к определению координат эталонов априорных классов. Для начала по специальной формуле рассчитывается объём выборки для их описания на языке информативных параметров. Не буду вас этим грузить, скажу только, что объём выборки класса В составил 2700 предложений, а класса L — 2000. (Округляла я, конечно, всегда в большую сторону). Это, конечно, ужас. Но отступить было уже некуда.

Отбор предложений я делала так. 2700 предложений — это 200 имеющихся плюс по 500 из каждого романа, входящего в рабочий класс. Поскольку стиль обоих авторов сильно зависит от содержания той или иной главы (в описательно-географических много однородных членов, там, где много экшена — повышается число сочинённых предложений и подчинительных союзов, где много диалога — параметров вообще мало), нужно более-менее равномерно распределить выборки по всем частям романов.

Итак, выборку из первого романа Буссенара я начала с начала, из второго — со второй пятой и так далее. Выборку я делала только с чётных полос. В итоге все пять выборок зацепили чуть больше одной части. Примерно то же самое я проделала и с Летюрком. Соответственно, романы мысленно делились на четыре части, и отбор в каждом шёл начиная со следующей четверти.

Если не верите, что эта штука действительно работает, что авторский инвариант реально существует, вот вам средние по каждой из пяти выборок Буссенара:

X04	X21	X25	X32
0,178	0,906	0,096	1,652
0,194	0,830	0,156	1,442
0,184	0,738	0,138	1,388
0,192	0,706	0,102	1,470
0,218	0,738	0,150	1,536

А если вам кажется, что в третьем и четвёртом столбцах цифры нехило пляшут, так это потому, что выборки в 500 недостаточно для столь длинных романов. Увеличьте выборку — и всё сравняется.

Процесс параметризации происходит так: разок-другой прочитываешь предложение — и присваиваешь ему числовой код.

Например: «Il est une heure apres-midi, les soixante kilometres ont ete parcourus en six heures!» («Сейчас час пополудни, шестьдесят километров были преодолены за шесть часов!»)

Код: 2200 (два сочинённых предложения и два причастия прошедшего времени — это именная форма глагола).

«La seconde pirogue vient s'allonger pres de sa devancier et, pendant que les bateliers retirent leurs perches ruisselantes, deux jeunes gens sautent lestement sur le sable». («Вторая пирога причаливает рядом со своей предшественницей, и, пока гребцы вытаскивают свои мокрые шесты, двое молодых людей проворно спрыгивают на песок»).

Код: 1110 (одно сочинённое предложение, один инфинитив, один подчинительный союз).

«Moustique arrete sa litanie et s'ecrie:» («Мустик обрывает свою канитель и восклицает»).

Код: 0002 (два однородных члена).

Сложенный вдвое листок бумаги быстро покрывается столбиками из четырёх цифр. Время от времени они заносят-

ся в экселевскую таблицу в четыре столбца, предварительно залитых нулями. Ввод цифр осуществляется с правой части клавиатуры, а левая рука держит листок с цифрами (если листок положить на стол, можно легко потерять место, где остановился). По мере любопытства можно посчитать средние значения. Затем стереть и продолжить.

Примерно так же заполняются и выборочные таблицы по каждому из атрибутируемых объектов. Я не знаю, как нужно делать по правилам, но так как объём отбора в среднем составлял (так выходило по формуле) от 40 до 60 процентов авторского текста в каждом из романов, то я обследовала всё подряд — с первого предложения — и пока не будет достигнут нужный объём выборки. Его я рассчитывала на базе 500 первых предложений. По мере заполнения пересчитывала и приблизительный объём всего романа.

В итоге по объектам A1a и A1b я сделала сплошное обследование (1684 и 902 предложения соответственно, границей оказался конец второй части), по объекту A2 выборка составила 1640 предложений, по объекту A3 — 1200, по объекту A4 — 1440. Округление я, конечно же, производила в большую сторону.

Легко ли было параметризовать 11,5 тысячи предложений? Чертовски утомительно, до рези в глазах, но ничего сложного в этом нет. Этот этап экспертизы был намного легче первого.

Средние арифметические у меня получились такими:

	X04	X21	X25	X32
Bou	0,195	0,782	0,127	1,496
Let	0,473	1,120	0,160	0,995
A1a	0,185	0,805	0,115	1,627
A1b	0,583	1,133	0,157	0,951
A2	0,417	1,043	0,173	1,043
A3	0,466	1,107	0,187	0,976
A4	0,484	1,023	0,187	0,934

К каждой из этих цифр прилагается и стандартное отклонение, но их мы опустим. Кому будет надо — вышло. Просто внимательно посмотрите на эти цифры — и вы всё сразу поймёте.

АТТРИБУЦИЯ

Используя эти средние значения, стандартные отклонения, а также объёмы выборки, сравним полученные значения по каждому атрибутируемому объекту с координатами рабочих классов. Для этого надо снова вычислить значение t-критерия Стьюдента.

Для детерминированной атрибуции необходимо, чтобы по всем параметрам объект относился к одному классу и ни по одному не относился к другому. В противном случае происходит отказ от распознавания, и следует переходить к вероятностному алгоритму атрибуции.

Напоминаю, пороговое значение t-критерия Стьюдента (при значимости 0,05) равно 1,96. Ищем значения, где оно меньше.

Итак.

A1a/Boussenard:	0,55	0,67	1,03	1,99
A1a/Leturque:	10,17	8,17	3,75	10,01

Вывод: по трём параметрам объект принадлежит к классу В, и ни по одному не принадлежит к классу L. Как делается вероятностная атрибуция, я не знаю, но её итог легко предскажем: объект явно относится к классу В (немного превышен уровень однородных членов).

A1b/Boussenard:	10,58	6,92	1,86	8,49
A1b/Leturque:	2,69	0,21	0,14	0,65

Детерминированная атрибуция опять не удалась: по первому критерию объект не принадлежит ни к одному классу, по третьему — к обоим. Проблема легко бы разрешилась с помощью вероятностной атрибуции, однако я её делать не

умею. Вместе с тем очевидно: координаты атрибутируемого объекта куда ближе к классу L. Превышение числа сочинённых предложений объясняется тем, что в третьей части «Железной Руки» сплошное описание последовательных действий, мало диалога.

A2/Boussenard:	9,10	6,66	3,38	8,25
A2/Leturque:	1,86	1,74	0,94	0,91

Вывод: объект A2 ни по одному из параметров не принадлежит к классу B, зато по всем параметрам относится к классу L. С высочайшей степенью вероятности мы отнесём роман «Капитан Ртуть» к творчеству Летюрка.

A3/Boussenard:	9,39	7,37	3,93	8,63
A3/Leturque:	0,20	0,25	1,75	0,32

Вывод аналогичен: роман «Новые приключения парижанина» принадлежит перу Анри Летюрка.

A4/Boussenard:	10,5	6,00	4,15	10,16
A4/Leturque:	0,32	2,14	1,84	1,16

Вывод: Буссенар однозначно не писал этого романа, но для атрибуции его Летюрку чуток не хватает глаголов в именной форме.

Однако эту ситуацию можно попытаться исправить, проведя первую итерацию. Поскольку два спорных объекта написаны рукой Летюрка, мы сложим выборку класса L с выборками по объектам A2 и A3, вычислим для класса L1 новые средние, новые стандартные отклонения, и подставим их в формулу подсчёта t-критерия Стьюдента вместе с совокупным объёмом выборки — 4840 предложений.

Значение критерия Стьюдента для неатрибутированных объектов:

A1a/Leturque1:	13,34	8,86	5,21	10,65
A1b/Leturque1:	3,52	0,83	0,88	0,98
A4/Leturque1:	1,11	1,69	1,15	1,55

Иными словами, если по первым двум пунктам ситуация принципиально не изменилась, то объект А4 (роман «Бессребреник среди жёлтых дьяволов») тоже атрибутирован Летюрку по детерминированному алгоритму распознавания образов.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В ходе проведённого расследования была опровергнута нулевая гипотеза (все посмертные романы Буссенара писал сам Буссенар) и нашла подтверждение альтернативная гипотеза: некоторые из посмертно опубликованных текстов принадлежат Буссенару (первая и вторая части романа «Железная Рука»), а всё остальное написано иным лицом.

Третья часть «Железной Руки» была, очевидно, дописана Анри Летюрком (но не исключена и некоторая доработка ответственным секретарём редакции «Журнала путешествий»), а остальные три романа — «Капитан Ртуть», «Новые приключения парижанина» и «Бессребреник среди жёлтых дьяволов» — с высочайшей степенью вероятности полностью принадлежат перу Летюрка. Если по каждому из четырёх параметров вероятность ошибки менее 5 процентов, то по сумме этих параметров погрешность достигает 5 процентов в четвёртой степени, что составляет ничтожно малую величину. Иными словами, точность полученных результатов составляет почти 100 процентов.

Это означает заведомую ложность утверждений директора «Журнала путешествий» Леона Девеза, который в некрологе Буссенару от 2 октября 1910 года заверил читателей, что Буссенар перед смертью успел закончить «Железную Руку» и передал ему ещё несколько своих романов. Выходит, что с момента смерти писателя (9 сентября) до слишком запоздалой публикации некролога Леон Девез принял решение о фальсификации, то есть об использовании подставного лица, «литературного негра», который продолжил бы сочинять романы под именем Луи Буссенара, используя его персонажей.

Необходимость такой фальсификации была обусловлена тем, что Буссенар являлся старейшим и любимейшим публи-

кой сотрудником «Журнала путешествий», и его смерть могла самым негативным образом сказаться на тиражах популярного издания.

В качестве «литературного негра» никак нельзя было использовать двух других «звёзд первой величины», Поля д'Ивуа и капитана Данри, ни прославленного Жюль Лермина, ни Жоржа Ле-Фора, ни новичка Мориса Шампаня. Все они сотрудничают со многими изданиями, могут не только возмутиться подобным предложением, но и разгласить его на весь мир. Да они никуда и не исчезают со страниц «Журнала путешествий» после смерти Буссенара. Напротив, Летюрк — самая подходящая кандидатура. Как и Буссенар, он дебютировал на страницах «Журнала путешествий» и никогда не изменял ему. На него можно и надавить: уходить ему всё равно некуда. Они с Буссенаром ровесники и земляки. Сюжетно близки. К тому же, в 1911 году Летюрк должен выйти в отставку, да и у дочери со дня на день свадьба. Короче, деньги никогда лишними не бывают. Вот он и не стал ломаться. Романист Летюрк тихо исчез, а романист Буссенар «продолжил» писать после смерти.

Бедный Буссенар, за которого некому было вступиться! Который завещал сжечь все свои бумаги, тем самым развязав руки фальсификаторам! А может быть, у них даже хватило наглости получить у умирающего письменное разрешение на подлог! Не зря же издатель книг Буссенара, а по совместительству зять Леона Девеза, Жюль Талландье, дважды посетил больного: за два дня до хирургической операции и наутро после неё — незадолго до смерти писателя!

Но нет ничего тайного, что рано или поздно не стало бы явным. Даже если для этого иногда требуется столетие. Через 80 лет после кончины Луи Буссенара доктор филологических наук М. А. Марусенко разрабатывает исключительно эффективную методику определения авторства спорных текстов, а спустя ещё 29 лет отчаянная буссенароведка узнаёт о существовании этой методики!

И вот наконец дело об атрибуции доведено до конца.

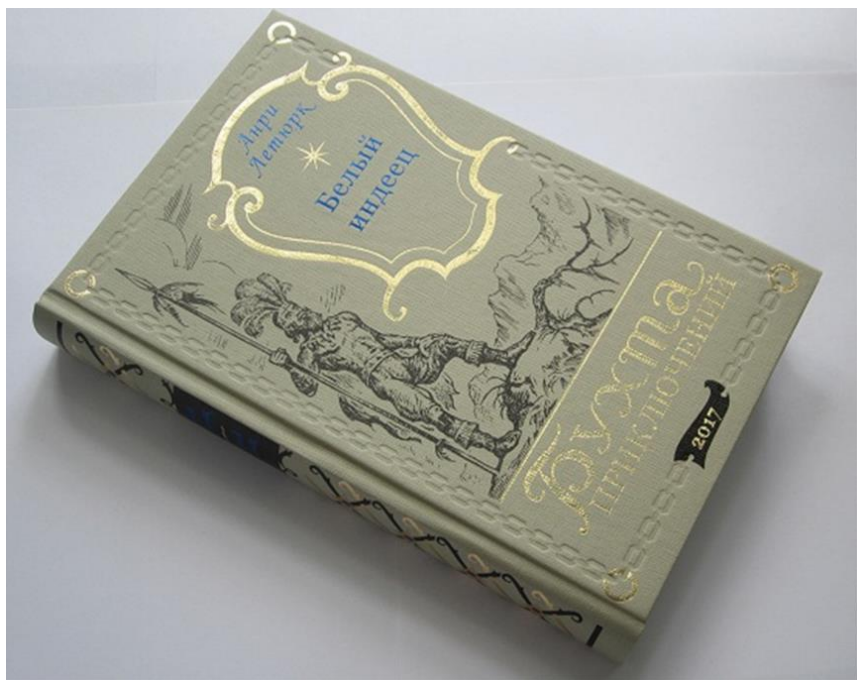
Я надеюсь, никто не остался обиженным?

Ну что, многоуважаемый Летюрк? Три года назад я уже вернула вам личность, теперь получайте право на имя в отношении трёх романов плюсом к вашим двенадцати. Ну, и шестнадцатый — в соавторстве. Не благодарите, не ради вас старалась.

Ну что, милый Буссенар? Четыре года назад я вернула вам один прекрасный роман, подлинный шедевр, нелепо потерянный французами. И вот теперь отнимаю у вас три. Те, которые явно не красили ваше имя. Теперь никто не назовёт вас гнусным колониалистом и омерзительным германофобом. Образ немецкого офицера-садиста, штыком закалывающего детей, не ваше творение. Итак, вы написали 38 романов, из них два в соавторстве. Один — с Анри Маленом, по обоюдному согласию, второй — с Анри Летюрком, что произошло без вашего ведома. Конечно, он там немного покуражился со всякими агами и гуанако... ну так он и в своих романах подобное вытворяет. Так что это он не со зла.

А теперь в меня полетят камни. Уж какой град камней был, когда я представила публике биографию Летюрка! А это исследование куда скандальнее. Представляю, какой ор поднимется — мол, это профанация, дилетантка не имела права подменять собой дипломированного специалиста! Да кто бы спорил. Только ведь научное сообщество пока в упор не замечает авторов паралитературы. Потому и приходится возиться с ними нам, простым смертным. Ну ничего, неприятие результатов экспертизы как-нибудь перетерпим. Всё новое и неожиданное всегда встречает яростное сопротивление.

А когда какой-нибудь аспирант кафедры математической лингвистики СПбГУ защитит диссертацию об атрибуции посмертных романов Буссенара — чему я буду только рада — мои дилетантские выводы станут наконец общепризнанной истиной.

Тайна Анри Летюрка

Биографическое расследование

Я не знаю более захватывающего и упоительного занятия, чем научно-поисковая деятельность. Со стороны моё хобби, конечно, смотрится не так зрелищно, как труд следователя или кладоискателя, но в этом есть огромный плюс — своему увлечению я могу предаваться в любой удобный момент, даже на работе, если выдалась свободная минутка. Если кто и застанет меня на месте преступления, всё равно ничего не поймёт.

Я — литературовед-любитель. Так как мои интересы лежат в сфере французской литературы конца XIX — начала XX веков, область поиска поневоле ограничена Интернетом. Уже несколько лет я не вылезаю с портала Галлика, параллельно слежу за оцифровкой старинной региональной прес-

сы, роюсь в электронных архивах департамента Луаре... В итоге мне потихоньку удалось стереть немало белых пятен с биографии моего кумира, найти несколько неизвестных рассказов и один потерянный роман.

Но сегодня я нехотя решаюсь отвлечься от обожаемого объекта исследования и забиваю в поисковую строку Гугла запрос: «Henry Leturque, ne en 1846»...

Имя и год рождения — это пока всё, что мне известно о личности этого человека. И это уже много. Что до официальных сведений о нём, то они на настоящий момент сводятся к следующему: «КТО ТАКОЙ АНРИ ЛЕТЮРК — НЕ ЗНАЕТ НИКТО!» (с).

Ну а если серьёзно, это некогда популярный французский писатель, автор множества романов о путешествиях и приключениях, публиковавшийся на рубеже XIX и XX столетий в еженедельнике «Журналь де вуаяж» параллельно с Луи Буссенаром, Полем д'Ивуа и капитаном Данри, переводившийся, как и они, на русский, но вот только настоящее это имя или псевдоним — по сей день никому неизвестно. Если реальное имя — то где родился, когда жил, чем занимался? Если же псевдоним — то кто за ним скрывается? Французские специалисты разводят руками.

А вопрос-то отнюдь не праздный. А в России так буквально стоит ребром. В 2014 году ярославское издательство «Мамонов» решило перевести и издать все романы Летюрка. К концу 2015-го вышли уже три книги. Читатели в восторге, требуют биографии. Но, увы! — с этим-то как раз напряг. Поэтому и звучат в послесловиях фантастические версии: возможно, под именем Летюрка скрывался сам Буссенар? Или же один из иллюстраторов Летюрка — родившийся в Уругвае Эжен Дамблан? На днях (23 февраля 2016 года) на Форуме литературы приключений была озвучена ещё одна гипотеза — возможно, псевдоним «Летюрк» (от le turc — турок) взял себе писатель, побывавший в Турции?

По совести говоря, все эти разговоры меня уже давно несколько нервировали. В позапрошлом году, желая проверить «утку» насчёт Буссенара, я даже отыскала в приложении к газете «Фигаро» (1886) три небольших рассказа Летюрка,

повествующие о путешествии по Южной Америке. «Очень яркий местный колорит. Похоже на описание реальных событий. Но по сюжету — слишком размеренно. Уж никак не Буссенар, — таков был мой вывод. — Да хоть кто глянул в “Журналь де вуаяж”, как они там печатались. Ладно бы поочерёдно, но ведь одновременно, на соседних страницах!»

Версия с Дамбланом показалась мне ещё более ребяческой. «С тем же самым успехом можно допускать, что Летюрк — это художник Шарль Клерис! Тоже родился в Южной Америке (конкретно — в Буэнос-Айресе) и тоже иллюстрировал романы Летюрка!»

А вот про Турцию мне так понравилось, что я несколько дней проверяла возникшие у меня идеи... Пока не наткнулась на Галлике на библиографический справочник, в котором ясно значилось: «ЛЕТЮРК (Анри). Писатель, родился в 1846 году».

«Ах, вот как! Ничего, значит, не известно? Просто никто ничего не искал, в этом вся и загвоздка! Даже уж Галлику глянуть поленились, чего уж там говорить о генеалогических ресурсах! — кипятилась я. — Вот если бы Летюрк был мне так же дорог, как Буссенар, я бы разоблачила его в два счёта!»

Но жажда открытия оказалась сильнее меня. К тому же на форуме меня взяли на слабо. Поэтому любимый писатель временно отодвинут в сторону, а я очертя голову бросаюсь на поиски сведений о совершенно незнакомом мне авторе.

Итак, Анри Летюрк. Для начала составим его библиографию, чтобы иметь представление, о чём он писал и на какой период приходится его творчество. Вот список его романов, опубликованных в «Журналь де вуаяж» (списываю с бюллетеня «Рокамболь»): «Белый индеец» (1894-1895), «Великий Змей» (1896-1897), «Беглец с каторги» (1898-1899), «Трёхмачтовик “Тирлир”» (1900), «Бандиты Кордильер» (1901-1902), «Матрос Картагю» (1903-1904), «Едоки песка» (1905-1906), «Последняя кампания Тромпетта» (1907), «Охотники за бирюзой» (1909), «Разбойники льяносов» (1911).

Немного погуглим и добавим к ним ещё две книги: «Расплата за преступление» (журнал «Ви д’Авантюр», 1908)

и «В стране гаучо» (Талландье, 1907, более раннего издания не наша, хотя, думается, это первое сочинение автора).

Если перечень романов я сдула, то над списком рассказов пришлось мучиться самой, листая «Журналь де вуаяж» и прочие газеты: «Красные волки», «Восемь дней в южноамериканской эстансии», «Гнёзда фламинго» («Фигаро-литтерер», 1886), «В пампасах», (ЖдВ, 1887), «Один день на охоте в Сан-Доминго» (ЖдВ, 1888), «Казнь в Кап-Аитьене» (ЖдВ, 1889), «В стране селитры» (ЖдВ, 1889), «Лжепроводник» (ЖдВ, 1891), «Новая амазонка. Эпизод парагвайской войны» (ЖдВ, 1894), «Остров Лобос» («Фигаро», 1896), «Гаучо малос» (ЖдВ, 1908).

Итак, что мы имеем. Судя по заголовкам, значительная часть творчества Анри Летюрка посвящена Южной Америке. Наверняка он даже побывал в ней, ибо три прочитанных мною дебютных рассказа написаны от первого лица и содержат массу этнографических наблюдений. Летюрк вошёл в большую литературу в 1886 году, то бишь в возрасте 40 лет. Творил до 1911 года. Так как писал в среднем по одному роману в два года, то логично будет предположить, что литературное творчество не было основным его занятием (в отличие, к примеру, от Буссенара).

Постараемся выяснить всё остальное.

Сначала я взяла неверный след. В рассказе «Гнёзда фламинго» рассказчик ставит ярких аргентинских фламинго в пример блёклым южнофранцузским, которых в детстве видел в Камарге, куда взрослые брали его на охоту.

Камарг, думаю я, озёрный край в департаменте Буш-дю-Рон. Возможно, там и родился неуловимый писатель. Раньше мне это ничего не давало, но теперь-то я знаю год рождения!

Однако долгие поиски в архивах не увенчались успехом: ни в Марселе, ни в Экс-ан-Провансе, ни в Арле, ни в Мартиге, ни в Тарасконе в 1846 году не родился ни один Летюрк.

Переношусь в Париж. Ещё несколько часов утомительнейших поисков по десятилетним таблицам. Двадцать округов, несколько десятилетий! И снова — мимо! Летюрк не родился в Париже. И не вступал там в брак.

Это кошмар какой-то! Теперь я понимаю, почему о Летюрке до сих пор ничего не известно. Ну хоть чего-нибудь можно о нём найти?

Попробуем разное начертание имени. Попробуем первую букву имени с фамилией...

И вот он, первый улов! Гугл-Книги приносят ссылку на оцифрованный журнал «Иллюстрасьон» за 1873 год. В перечне имён фигурирует «H. Leturque, voyageur, Paris!» Вот это да! Я готова кричать от восторга! Всё, долой все версии о псевдониме! Анри Летюрк — это подлинное имя! В 1873 году он жил в Париже, а до этого успел попутешествовать!

Ну а что это за перечень? Да это список людей, призвавших правильные ответы на головоломки, опубликованные в предыдущем номере! Ну вот, совсем другое дело. Мелкая, но какая забавная черта к загадочной личности Летюрка.

Полистав газеты на Галлике, я быстренько нашла, что он разгадывал ещё и задачки в «Монд иллюстре» в 1876 году.

Так всё-таки — Париж. Ну хорошо, он там не родился и не женился. Но жил ведь. А значит, мог стать отцом! Короче, берём волю в кулак и листаем списки родившихся в семидесятые-восьмидесятые годы.

Собственно говоря, фамилия Leturque в Париже того времени не особо распространена. До сих пор мне попадался разве что кучер Луи-Шарль Летюрк и его отпрыски. Вот Leturc, Leturcq — совсем другое дело. Эти есть почти в каждом округе. Так что если бы мне попался хоть один Henry Leturque — он не мог быть никем иным, как тем самым путешественником — любителем шарад.

И вот... 31 января 1878 года в 12-м округе родилась некая Жоржетта-Мари-Жанна Летюрк... Немедленно открываем актовую запись... И — похоже, попали! Её родители — Charles-Emile-Athanase-Henri Leturque, продавец (торговый служащий, employe de commerce), тридцати одного года, и его супруга-ровесница Мари Лепорше, живут на набережной Рапе.

Здорово! Во-первых, возраст. Если только он родился не в январе, то его год рождения — как раз 1846-й! Во-вторых, профессия. Я уже успела полистать краткие синопсисы романов Летюрка в старинных газетах, и выходит, что среди его

протагонистов есть коммивояжёр (герой «Бандитов Кордильер» Арсен Систероль). Из минусов — начертание имени (Henri, а надо бы Henry. Впрочем, и издатели в этом вопросе тоже не раз ошибались). Ну и конечно, совершенно неясно, как же звали этого товарища в жизни — Анри, Шарлем, Эмилем или Атаназом...

Ну хорошо, не будем отчаиваться и попробуем полистать таблицы рождений за следующее десятилетие. В 12-м округе — никого... Зато в седьмом — пожалуйста! И имя-то какое — Марта-Мари-Жоржетта Летюрк! Наверняка ведь сестра Жоржетты-Мари-Жанны!

И — точно. Родилась 13 апреля 1886 года на авеню Бретей у Анри-Шарля-Эмиля-Атаназа Летюрка, 40 лет, и его супруги Мари-Луизы Лепорше, 39 лет! Ну, теперь-то точно ясно, что этот Летюрк родился в 1846 году! Между февралём и апрелем. Только теперь он сменил профессию. Бывший продавец стал... уполномоченным по административному надзору на железной дороге! Улёт! А ведь я уже знаю, что среди героев нашего романиста есть железнодорожный служащий — Барбишон, «беглец с каторги»!

Нет, ну здорово! Только вот дальше, похоже, продвигаться не удастся. Как узнать место рождения, если романист Летюрк умер не ранее 1911 года, а акты гражданского состояния оцифрованы лишь до 1902-го?

И вот тут на помощь моему упорству приходит чистейшее везение. Я ввожу полное имя продавца-железнодорожника в поисковую строку Гугла... и немедленно обнаруживаю его в результатах! Ссылка ведёт меня на испаноязычный генеалогический сайт, облегчающий поиск французских эмигрантов в... Южной Америке! Имя нашего железнодорожника фигурирует в списке посетивших в 1867-1870 гг. французского консула в Буэнос-Айресе! Есть! Свершилось! Информационная блокада прорвана!

Сие случилось в ночь на 1 марта 2016 года. С того момента, как я взялась за Летюрка, прошла ровно неделя.

На другой день я немало времени убила, чтоб совладать с этим самым консульским архивом. Регистрационный номер

знаю (14810), а найти запись никак не получается. И вот наконец...

Содержащиеся там сведения оказались просто фантастическими: Шарль-Анри-Эмиль-Атаназ Летюрк, родившийся 9 марта 1846 года в Шамбоне (Луаре), сын Жана-Поля Мишеля-Атаназы Летюрка и Анны-Мари-Эме-Элизабет Вуатюрен, состоящий в браке, житель Бордо, приехал в 1869 году в Буэнос-Айрес на пароходе компании «Мессажри Эмперьяль» и зарегистрировался во французском консульстве 3 июля 1869 года. В записи цитируются данные паспорта, полученного в Бордо 24 мая 1869 года, согласно которому Летюрк — сероглазый круглолицый шатен с открытым лбом, ростом 165 см.

Сногшибательно! Но что особенно меня сразило, жаркой волной ударило в грудь, в мгновение сделало Летюрка буквально родным человеком — это место рождения. Департамент Луаре! Дрожащими руками я открываю Карты Гугла — и вижу маленькую коммуну Шамбон-ла-Форе в каких-то 12 километрах от родной деревни моего кумира! Получается, Летюрк — не только коллега и почти ровесник, но и сосед моего обожаемого объекта исследования, такой же босеронец, как и он! Но если в Экренне помнят своего славного уроженца — главная улица коммуны носит его имя, а его бюст возвышается над крыльцом мэрии — то в соседнем Шамбоне никто и не подозревает, что и им есть кем гордиться...

...Все прочие находки уже не укладываются в понятие «открытие», это был лишь кропотливый технический труд генеалогиста, нудное копание в актах гражданского состояния департамента Луаре и Парижа... Впрочем, мне не привыкать!

Итак, наш герой, чьё полное имя Шарль-Анри-Эмиль-Атаназ Летюрк (Charles-Henry-Emile-Athanase Leturque; в свидетельстве о рождении второе имя пишется именно «Henry», а не «Henri»), был первенцем в семье Атаназы Летюрка (1820-1892), первоначально приказчика (facteur des ventes) у купца-лесоторговца (возможно, тестя), и его супруги Эме Вуатюрен (1825-1862), дочери лесоторговца.

Торговля лесом была главным занятием в роду. Лесоторговцами были, как минимум, дед нашего героя по матери Шарль-Оноре Вуатюрен, затем отец Атаназ и дядя Адольф (сыновья земледельца Поля-Мишеля Летюрка из Биньона и его супруги Катрин Нарбонн), дядя Казимир Вуатюрен, двоюродные братья Поль и Морис Летюрки, младший брат Альбер Летюрк...

Это семейство пользовалось уважением у сограждан. По меньшей мере, четверо старших родственников нашего Летюрка избирались мэрами Шамбона: эту почётную должность занимали дед по матери Шарль-Оноре Вуатюрен (в 1848-1863 годах), дядя по матери Жорж-Александр Вуатюрен (1871-1873), брат бабушки по отцу Жан-Батист Нарбонн (1874-1875) и наконец отец Жан-Поль-Мишель-Атаназ Летюрк, до самой смерти (1884-1892). Орлеанский дядя Адольф Летюрк, президент синдиката лесоторговцев департамента Луаре, отойдя от дел, прославился публикацией религиозно-нравоучительных брошюр «Безразличие и эгоизм», «Долг. Братство. Справедливость». Его сын Поль Летюрк (1861-1936), кузен Анри, был одним из крупнейших промышленников Орлеана (на аукционах нередко выкупал сразу несколько делянок леса стоимостью 5-10 тысяч франков каждая; был членом-корреспондентом, затем действительным членом торговой палаты департамента, последние 13 лет жизни одновременно являлся судьёй торгового трибунала, и пять из них — его председателем).

Казалось бы, первенцу шамбонского коммерсанта Атаназа Летюрка на роду было написано продолжить семейную традицию, но вышло иначе... В делах отцу наследовал младший сын, Альбер-Одиль-Леопольд (1850-1932).

Едва нашему герою исполнилось 16 лет, он потерял мать, а спустя два года отец женился на её младшей сестре, Зоэ-Мелани-Клотильде Вуатюрен. Впоследствии у двух братьев Летюрков появятся сёстры — Анна-Жанна-Мари-Жюли (1866) и Мари-Шарлотта (1874). Но, похоже, к тому времени будущий железнодорожник будет уже далеко от родного дома. Во всяком случае, в документах воинского учёта (1866) молодой Летюрк значится годным, но отсутствующим.

Конечно, интересно было бы узнать о причинах резкого разрыва нашего героя с семейной традицией, но официальные документы не дадут нам ответа на этот вопрос...

Так или иначе, в 1869 году — в 23-летнем возрасте — мы обнаруживаем нашего Летюрка женатым обитателем портового города Бордо, чьё профессиональное положение — gabarrier. Именно это слово я выудила из того самого паспорта от 24.05.1869, чья копия благополучно сохранилась в архивах департамента Жиронда. Именно из этого документа мы доподлинно узнаём, что обычное имя Летюрка — всё-таки Henry, а не Атаназ, не Эмиль и даже не Шарль (хотя в его подписи и читается иногда буква С: «СLeturque»).

Gabarrier — это хозяин (либо капитан, матрос, а то и просто грузчик) «габары», по-нашему плашкоута, парусно-гребной плоскодонки, используемой для погрузки товаров с береговых складов на корабли в устьях рек. Конечно, данное словарное толкование полностью социальное положение Летюрка не проясняет, но в общих чертах понятно: он занимался погрузочно-разгрузочными работами в порту.

И вот 25 мая 1869 года этот самый «речник» в числе 170 пассажиров судна «Эстрамадюр», управляемого капитаном Жио и принадлежащего компании «Мессажри Эмперьяль», выехал из Бордо в Буэнос-Айрес. Согласно сохранившемуся-таки опять списку пассажиров, корабль делал остановки в Лиссабоне, Дакаре, Пернамбуку, Баие, Рио-де-Жанейро, Монтевидео и где-то во второй половине июня благополучно прибыл к месту назначения (в среднем такое плавание длилось 25 дней, а 3 июля, как мы помним, Анри Летюрк побывал у французского консула).

Данное путешествие явно не было развлекательной поездкой. Наш босеронец приехал в Аргентину всерьёз и надолго, возможно даже, чтобы поселиться здесь навсегда. В те годы иммиграция из Франции прямо поощрялась аргентинским правительством. К примеру, в 1867 году в Аргентину официально въехал 991 француз, в 1869-м — уже 1465, и далее год от года их поток лишь возрастал. Самая большая диаспора проживала именно в Буэнос-Айресе.

Версию об эмиграции подтверждает тот красноречивый факт, что Летюрк приехал в Аргентину не один, а со своей семьёй. Как раз в середине сентября 1869 года в стране была проведена первая перепись населения, и в списке жителей Буэнос-Айреса мы с удивлением обнаружим, на соседних строчках, двух гражданок Франции с почти знакомыми нам именами: Марию Лепорешет, 22 лет, и двухлетнюю Андреа Летюрк. Исправив имя первой на французский лад, мы получим Мари Лепорше — а именно так, насколько мы помним, звали супругу нашего героя! Следовательно, Андреа Летюрк — его дочь!

Тут возможны две версии: или Летюрк, едва обустроившись на новом месте, сразу же перевёз к себе жену и ребёнка (но по срокам получается впритык: меньше трёх месяцев), или все они приехали в Аргентину гораздо ранее, а в Бордо наш герой ездил по каким-то делам.

Немного обескураживает отсутствие в списке жителей Буэнос-Айреса имени самого Летюрка: получается, на момент переписи он в городе отсутствовал. (Но этому несложно придумать объяснение: путешествовал вглубь страны, нанялся на какое-нибудь морское судно...)

Но, так или иначе, хоть пребывание в Аргентине было длительным, переезд оказался не окончательным. Несколько лет спустя семья Летюрков вернётся во Францию.

А теперь повторим, что мы уже знаем, и добавим новые данные.

В 1873 году мы обнаруживаем «путешественника Летюрка» в Париже, среди любителей газетных головоломок.

В 1876 году он, очевидно, проживал в департаменте Буш-дю-Рон (согласно документам воинского учёта, 19 июня 1876 года переведён из орлеанского подразделения территориальной армии в Экс-ан-Прованс).

В 1878 году он вновь живёт в Париже, работает в торговле, у него рождается вторая дочь, которая, увы, прожила чуть больше года.

А 16 мая 1880 года Анри Летюрк поступает на службу в ведомство путей сообщения и назначается уполномоченным (4-го класса) по административному надзору на железной до-

роге. Сначала его посылают в глубинку, в городок Живе на границе с Бельгией (департамент Арденны). Беременная жена новоиспечённого железнодорожника приезжает рожать в Шамбон. Родившаяся в начале 1881 года третья дочь получит то же имя, что и её умершая сестра, и тоже проживёт меньше двух лет.

Вместе с тем, железнодорожник Летюрк, похоже, на хорошем счету у своего начальства, ибо уже к 1883 году его переводят в Париж (где он отвечает за восточное направление поездов), 1 января 1883 года ему присваивается 3-й класс.

В 1886 году у него рождается четвёртая дочь, Марта-Мари-Жоржетта Летюрк, она проживёт восемьдесят лет.

Очевидно, семейство железнодорожника живёт небогато, поскольку в январе 1886 года, сразу же по достижении 18 лет, его старшая дочь Андреа-Эме-Мари Летюрк устраивается на работу в почтово-телеграфное ведомство (центральное бюро города Парижа), где проработает контролёром 42 с половиной года (по всей вероятности, так и не выйдя замуж).

Ближе к 1888 году нашего уполномоченного переводят на линию Париж-Монпарнас, и там он проработает до ухода на пенсию. 1 июля 1885 года он становится уполномоченным 2-го класса, и, наконец, 1 апреля 1890-го ему присваивается 1-й класс.

Фамилия железнодорожника Летюрка иногда попадает в прессу. К примеру, в 1895 году он принимает участие в расследовании громкой железнодорожной аварии, произошедшей на вокзале Монпарнас: прибывающий гранвильский экспресс не смог затормозить, локомотив протаранил фасад вокзала, выехав на привокзальную площадь. Много пассажиров и пешеходов получили ранения, погибла продавщица газет.

1 апреля 1911 года, после 30 лет, 10 месяцев и 15 дней госслужбы Анри Летюрк выходит на пенсию с годовым содержанием в 1909 франков.

23 ноября 1911 года Летюрк выдаёт дочь Марту замуж за Луи-Эмиля Лангронье (найти акт о рождении не удалось, фамилия весьма распространена).

Предположительная дата смерти Анри Летюрка — 13 декабря 1917 года, поскольку именно с этого числа его вдове

Мари-Луизе Лепорше назначено государственное обеспечение в размере 636 франков в год. (Если, конечно, право на него возникало с даты смерти, а не подачи заявления). К сожалению, установить место смерти не удалось: в парижских актах гражданского состояния его имени нет. Но надо учитывать, что шла первая мировая война, семейство Летюрков вполне могло выехать из столицы в провинцию.

Вот такая история. Конечно, найденные сведения при всей их бюрократической точности не так много сообщают нам о личности нашего автора. Но ведь мы пока не проецировали их на творчество романиста! А познакомиться с оным мне вскоре пришлось, ибо сыскались высоколобые умники, которые довольно пренебрежительно восприняли результаты моего биографического расследования, заявив, что я не привела ни одного убедительного доказательства того, что найденный мной босеронский железнодорожник Анри Летюрк и есть загадочный романист!

По счастью, 10 из 12 романов, написанных Летюрком, можно при желании прочитать с экрана («Журналь де вуаяж» полностью оцифрован), причём два из них («Великий Змей» и «Едоки песка») можно загрузить в текстовом формате в электронную книгу.

Конечно, романисту мы доверяем меньше, чем официальным бюрократическим бумагам, но всё же попробуем... Может, нам и удастся добавить к его биографии несколько новых ярких штрихов!

Итак, начнём, как говорится, ab ovo — с происхождения и семейного положения.

Главные герои романа «Трёхмачтовик “Тирлир”» — два брата, моряк Рени Ле-Манек и инженер Берталь Ле-Манек, сыновья крупного бретонского судовладельца, встретившиеся в Китае после двадцатилетней разлуки. Предыстория такова. Братья рано лишились матери: старшему Рени едва минуло 16 лет. А в 18 он был вынужден навсегда покинуть отчий дом, ибо появившаяся в нём мачеха поссорила отца и сына. Все молодые годы Рени, в будущем капитан «Тирлира» (или «Копилки», если учесть, что прозвище капитана — Пилуфас

т. е. Орёл-или-Решка), жестоко страдал от нужды и душившей его ненависти и простил отца только узнав о его смерти.

В этой истории автобиографично почти всё! Во-первых, имена братьев Ле-Манеков — Renhu и Bertal — это анаграммы от имён братьев Летюрков, Henry и Albert. Во-вторых, к моменту смерти матери Анри Летюрку исполнилось 16 лет и 1 месяц, а когда ему было 18 с половиной, отец женился во второй раз, на молодой свояченице, лишь на десять лет старше Анри. И примерно в то же время (точно неизвестно когда, но до достижения призывного возраста, 20 лет) юноша покинул родной дом!

Конечно, все прочие детали не совпадают: так, глава семейства был вовсе не судовладельцем, старший сын — не капитаном, а младший сын — не инженером (попробовав себя в молодости на поприще лесоторговли, Альбер к 28 годам тоже покидает отчий кров и поселяется в городке Мондубло, департамент Луар-и-Шер, где становится коммерсантом-дубильщиком). Не было у Анри и Альбера и третьего брата, отравленного женой-шпионкой.

Но это, как говорится, художественный вымысел. А вот мотив оставления отчего дома очень похож на правду. Думается, и у автора были те же причины, что и у его героя: новый брак главы семьи и последовавшая по вине тётки-мачехи ссора отца с сыном. Это прекрасно объяснит нам не укладывающийся в голове факт: почему Анри Летюрк — ну просто белая ворона в семье! — предпочитает скитания по заграницам, работу продавца и, наконец, карьеру государственного чиновника, чья скромная зарплата ни в какое сравнение не идёт с оборотами самого захудалого лесоторговца.

Вот так художественное произведение дополняет официальные бумаги!

Чтобы продолжить тему отражения семейных реалий в творчестве Летюрка, необходимо отметить, что его положительные герои делятся на две группы: «благородные французы» и «эксцентричные французы». Так вот, среди первых не одни лишь братья Ле-Манеки носят имена членов знакомого нам семейства.

Так, Шарль, герой «Белого индейца», получил одно из имён автора, Шарля-Анри-Эмиля-Атаназа. А может быть, это и имя деда — Шарля-Оноре Вуатюрена.

Поль из «Великого Змея», возможно, назван в честь кузена — орлеанского лесоторговца.

Капитан Спардек из «Матроса Картагю» зовётся Рене, как совсем юный племянник автора, сын Альбера. А вот невеста Спардека, Марта, носит имя младшей дочери автора — вполне уже девушки на выданье.

И ещё несколько семейных штрихов. В романе «Великий Змей» подробно описан процесс дубления медвежьей шкуры в полевых условиях. Думается, ранее автор побывал на дубильном предприятии своего брата... А в конце романа его герои, чтобы вывести золотой клад к побережью, нанимают в бразильской глубинке шхуну, чей экипаж занимался там... заготовкой леса! Ну в самом деле, что ещё мог придумать выходец из семьи лесоторговцев!

Весьма заинтересовала меня и фамилия братьев Клерфонтенов (учёного и генерала) из романа «Последняя кампания Тромпетта», опубликованного в 1907 году. Claire fontaine вообще-то означает «чистый родник». Может, я всё притягиваю за уши, но не могу не упомянуть, что в 1906, 1908 и 1914 годах некий Летюрк обращался в медицинскую академию с просьбой выдать ему разрешение на промышленную разработку минерального источника римской эпохи «Монфра» в Шамбоне. Весьма сомнительно, чтоб это был наш Летюрк, но уж явно его близкий родственник — брат, кузен или кто-то из племянников.

Переходим к путешествиям нашего героя. Если верить признаниям, разбросанным по его крупным и мелким сочинениям, путешествовал он немало.

Так, по его утверждению, в 1863 году он бывал на Гаити с заходом в Маракайбо. Свои приключения он описывает в рассказах «Один день на охоте в Сан-Доминго» и «Казнь в Кап-Аитьене». (Во втором из них он указывает, что события имели место 25 с небольшим лет назад. Вычтя эту цифру из даты публикации — январь 1889 года — я и получила 1863-й).

Согласно автору, их корабль простоял неделю на рейде Кап-Аитьена. За это время наш товарищ успел поохотиться на местную береговую фауну и поглазеть на казнь преступника-вудуиста, виновного в ритуальном убийстве младенцев с целью людоедства.

На борту судна автор чувствует себя по-хозяйски, в его личном услужении имеется один юнга, и он запросто отдаёт распоряжения двум матросам. По пути к месту охоты они останавливаются в негритянской деревне, живущей исключительно добычей и сплавом ценной древесины (снова вспоминается семейный промысел Летюрков!), а описание бойни бекасов завершается таким наблюдением относительно действий гаитянских негров: «В мгновение ока, на манер охотников на жаворонков в Босе, они приканчивали подранков» (ну, тут чувствуется истинный босеронец!).

Действие в очерках не ахти какое закрученное, больше экзотики в описаниях одежды, языка, флоры и фауны, нежели собственно действия, поэтому я склоняюсь к тому, что автор пишет о реальных событиях. Смущает только предполагаемый возраст рассказчика — 17 лет. Кроме самого простого объяснения — автор всё выдумал! — может быть и ещё два. Во-первых, случайная или умышленная ошибка в датировке: например, события происходили не 25, а 20 лет назад. И во-вторых, а вдруг Летюрк покинул родной дом не в 18-19, а именно в 17 лет? Может быть, отец привёл в дом мачеху гораздо раньше, чем заключил с ней официальный брак?

Более правдоподобно выглядит рассказ «В стране селитры», время действия которого указано вполне конкретно — февраль 1867 года, чуть далее сказано: «Нам было по двадцать лет». В завязке рассказчик, в качестве третьего по старшинству члена экипажа (лейтенанта) торгового трёхмачтового судна «Сирена» (Нант), руководит погрузкой 240 мешков селитры в у берегов Перу, непосредственно близ места её добычи — рудников дона Иснардо... Так-так, это уже немного узнаваемо. Погрузочно-разгрузочные работы в порту — не этим ли занимался двумя годами позднее будущий железнодорожник Летюрк в Бордо?

Ну а ещё путешествие в Перу косвенно подтверждается признанием автора в романе «Беглец с каторги», где буквально на первой странице он заявляет, что видел альбатросов, огибая мыс Горн. Пока всё складывается!

Ну, какие ещё автобиографические признания мы почерпнём из его творчества? Вот: в романе «Матрос Картагю» Летюрк описывает африканский музыкальный инструмент балафон и снабжает этот пассаж такой сноской: «Автор слышал в Дакаре игру на балафоне, через пять минут он был вынужден убежать из страха сойти с ума. Ему казалось, будто по его голове колотят молотком».

Когда Летюрк мог бывать в Дакаре? Да когда угодно, если плавал на торговом судне. Но мог услышать и во время стоянки парохода «Эстрамадюр» по пути следования в Буэнос-Айрес.

А вот и Китай. Герои романа «Трёхмачтовик “Тирлир”» встречаются на острове Формоза (нынешний Тайвань) отшельника, готовящем еду на природной «конфорке» — камне-губке, сквозь поры в котором просачивается нефть. Сноска внизу страницы: «У автора хранится подобный камешек, подобранный им на берегу в Макао».

В общем, если романист не врёт, то поплавал он в молодости изрядно.

Ну и наконец — пресловутое путешествие в Аргентину. Его эпизоды описаны в рассказах «Красные волки», «Восемь дней в южноамериканской эстансии», «Гнёзда фламинго», «В пампасах», «Лжепроводник». Если верить автору, ему пришлось обороняться от ночных хищников, принимать участие в большом празднике по случаю забоя скота, любоваться ярко-розовыми птицами, охотиться ночью на вискачей, переваливать через Анды.

Когда это могло быть? А в 1869 году, как же иначе! В «Восьми днях...» Летюрк цитирует газету «Коррьере де Кордоба» от 19 декабря 1869 года (об огромном количестве разнообразного скота на эстансии генерала Уркисы).

Событиям февраля-марта 1870 года (гибели диктатора Лопеса) посвящён рассказ «Новая амазонка. Эпизод парагвайской войны»; вполне очевидно, что автор находился в тех

краях в то время и слышал рассказы о тех событиях от очевидцев или читал в печати.

Анонсируя первый роман Летюрка («Белый индеец»), «Журналь де вуаяж» подчёркивает, что автор прожил в Южной Америке несколько лет (дескать, его познаниям можно доверять). Несколько лет — это, значит, как минимум 1869-1870, а максимум — 1869-1873.

Ну вот, по путешествиям, пожалуй, всё. А теперь — об отражении эпизодов карьеры Летюрка в его творчестве.

Прежде всего, книги Летюрка отличаются очень яркими образами храбрых французских матросов. Это, к примеру, Требагю из «Белого индейца», Фильяс из «Великого Змея», Картагю из одноимённого романа, члены экипажа «Трёхмачтовика “Тирлир”» (Акула, Кашалот, Пингвин, Сардина, Спрут...). Они придают совершенно индивидуальный шарм творчеству писателя, запоминаются своими красочными ругательствами, образными оборотами, уморительной болтовнёй, смесью отваги, безрассудства и (иногда) бессознательной жестокости.

Теперь понятно, откуда эти образы. Плавал ли автор в юности на торговых судах (как он пишет в своих рассказах), или же его морской стаж ограничился подвозом товаров к кораблям в порту Бордо (что подтверждается документами) — в любом случае, у него был богатейший опыт общения с моряками.

Что до опыта работы в торговле, то и это нашло отражение в образах персонажей. Кроме путешественника по Южной Америке Систероля, представителя парижского торгового дома «Бонтен», отметим ещё отставного капитана Спардека, представителя бордосского торгового дома «Резжин» в Африке. Вид с корабля, возвращающегося из Африки в Бордо, описан подробно и пронзительно — совершенно очевидно, что автор описывал собственные впечатления.

Но, пожалуй, ярче всего в романах Летюрка отразился его опыт железнодорожника. Главный герой «Беглеца с каторги» — француз Барбишон, железнодорожный служащий, начальник поезда 1-го класса. В первой главе описан визит героя к директору железнодорожной компании, к которому

его послал начальник вокзала. Читатель полностью погружается в эту атмосферу, ибо автор запросто щеголяет суммами должностных окладов и надбавок, описанием униформы... Во время путешествия по России Барбишон постоянно сравнивает российские железные дороги с французскими, выясняет тип сцепления, регулятора хода, тормозов и т. д., при случае угоняет локомотив, да и добравшись до Америки, немедленно спрашивает, где тут железная дорога. В общем, железнодорожник до мозга костей!

Неплохую пару Барбишону составляет и дон Жозе («Бандиты Кордильер»), инспектор по техническому надзору (!) на железной дороге (да-да!) в Лиме, эмигрант из северной Франции. Так что и тут железнодорожной атмосферы хоть отбавляй. В финале инспектор станет зятем главного героя, и мы встретим его в парижской квартире Систероля, выходящей окнами не более и не менее как на вокзал Монпарнас (то есть место работы автора)!

Не обошлось без яркой «железнодорожной» сцены и в «Едоках песка». Русский чиновник, начальник железнодорожной станции посреди манчжурской пустыни, радушно принимает французских путешественников, а когда один из них просит бумаги для письма, любезно предоставляет ему свой кабинет. Раздаётся звонок, и растроганный француз, не желая беспокоить хозяина, сам принимает телеграфную депешу, откуда узнаёт, что он и его спутники должны быть немедленно арестованы. Разумеется, начальник станции не прочтёт адресованной ему телеграммы, а «опасные бандиты», предварительно опоив весь персонал вокзала, успевают благополучно скрыться. За неисполнение приказа инспектор (надо полагать, по административному надзору!..) лишает начальника станции премии по итогам полугодия... Не обойдётся роман и без стены, проломленной локомотивом по вине стрелочника... (Правда, не на парижском, а на мукденском вокзале...)

К слову сказать, я долго не время не могла понять, почему у босеронца по рождению большинство героев — южане (и Систероль, и Фильяс с Каскадрилем, и маркиз-дрессировщик, и все герои «Поедателей песка», и Гаспар с

молочными братьями из «Разбойников льяносов»). Ситуация прояснилась, когда я выяснила, что он одно время жил в департаменте Буш-дю-Рон (в Экс-ан-Провансе или его окрестностях...). Кстати, именно тогда, а вовсе не в детстве, Летюрк мог познакомиться и с местными фламинго...

Может быть, и не стоило на всём этом столь подробно останавливаться, но, увы, моё исследование было встречено в штыки отдельными коллегами, специалистами по приключенческой литературе. Дескать, мне не удалось убедительно доказать, что писатель Анри Летюрк и железнодорожник Анри Летюрк это одно и то же лицо. Пришлось читать все доступные произведения романиста и искать в них новые подтверждения. Надеюсь, что теперь ни у кого не возникнет сомнений, что я была права.

Итак, что я могу сказать о Летюрке после прочтения всех десяти его романов, опубликованных в «Журналь де вуаяж»? Если кратко, то Летюрк — это, конечно же, верный последователь Буссенара, однако последователь, доводящий до абсурда все художественные принципы предшественника. Там, где у Буссенара — напряжённое, но относительно стройное и весьма правдоподобное действие в шикарных и достоверных экзотических декорациях — у Летюрка бешеное, но хаотическое и мало правдоподобное действие на условно-экзотическом фоне. Это Буссенар абсолютно безбашенный, не заботящийся о моральной и научной стороне своих сочинений.

Нужно ли читать Анри Летюрка? А почему бы и нет? Лично я получила немало удовольствия, пролила немало слёз, порадовалась подвигам героев. Думается, и другим читателям доставит немало приятных минут знакомство с его творчеством.

В заключение — краткий обзор его произведений, опубликованных в «Журналь де вуаяж»:

«Белый индеец»

Шарль приезжает из Франции в Аргентину, чтобы найти отца. Из завещания своего воспитателя он узнал, что был ему не родным, а приёмным сыном, найденным в четы-

рѣхлетнем возрасте среди каравана, разграбленного индейцами по дороге на Буэнос-Айрес. У мальчика было золотое кольцо с гравировкой «Карлосу Карховалю от Росаса». Поиски Шарля на севере Аргентины затрудняются военными действиями, так что он вынужден поступить на службу в аргентинскую армию. Заодно он пристраивает в полк французского моряка-дезертира Требагю. По окончании войны Шарль и Требагю увольняются из вооружѣнных сил и продолжают поиски. Книга начинается с того момента, когда они узнают, что проводник Карховаль жив и несколькими днями ранее останавливался там же, где и они. Из-за излишне импульсивного и драчливого характера Требагю героям доведѣтся пережить десятки опасных приключений.

«Великий Змей»

«Король плантаторов» мастер Форли из Нового Орлеана заступает на улице Чикаго за юную индеанку, которая в благодарность за спасение раскрывает ему тайну сокровища парагвайского диктатора Лопеса, хранимую её отцом — Великим Змеем. Отправляясь на поиски клада, миллионер берѣт с собой молодого француза Поля, спасшего его в той же уличной драке. Одновременно с ними в Южную Америку отплывает и шайка бандитов, укравших план местности. Два члена экипажа угнанного ими французского судна, матрос Фильяс и кок Каскадриль, впоследствии примкнут к свите Форли.

«Беглец с каторги»

Парижскому железнодорожнику Барбишону, обладателю внушительных физических данных, поручено сопровождать в Россию груз отчеканенных золотых рублей, а обратно — золотые слитки. В Омске, подпоив француза наркотическим снадобьем, Барбишона подменивают на схожего по приметам политзаключѣнного князя Барбискова, конвоируемого в Сибирь на каторжные работы. По документам Барбишона и в его одежде князь бежит в Париж, а Барбишона в одежде каторжника наутро хватают жандармы и добавляют срок за побег. Но, разумеется, долго он это терпеть не станет,

а сбежит ещё до прибытия к месту отбывания наказания. Российские власти будут преследовать беглеца до самого Берингова пролива.

«Трёхмачтовик “Тирлир”»

Пожилый бретонский арматор Ле-Манек, умирая, поручает старому слуге отвезти 12-летнего внука-сироту Даниэля к дяде-инженеру: средний сын Ле-Манека, Берталь, занимается геологоразведкой в Китае. Узнав об этом, мачеха Даниэля, Дика, ранее отравившая его отца, теперь намерена расправиться с Даниэлем и Берталем, чтобы завладеть наследством Ле-Манеков. Но об этих кознях становится известно Рени Ле-Манеку, старшему сыну арматора, покинувшему отчий кров в юности, после смерти матери и новой женитьбы отца. Рени, ныне капитан трёхмачтового судна «Тирлир», проникается антипатией к юному племяннику, в жилах которого течёт кровь ненавистной мачехи, но желает во что бы то ни стало спасти брата Берталя, которого он не видел с детства...

«Бандиты Кордильер»

Гасконец Арсен Систероль, представитель парижского торгового дома «Бонтен», берёт билет из Лимы в Оройю, чтобы повидать дядю, обосновавшегося в Боливии, однако в горах поезд остановлен шайкой бандитов под предводительством Карпечо. Систероль взят в заложники, его жизнь оценена в 250 тысяч франков. Собрав сто тысяч, его супруга лично едет в Южную Америку и тратит деньги на организацию военной экспедиции. Небольшой армии удаётся взять бандитское логово, но в первом же обнаруженном трупе женщина опознаёт своего супруга. Поклявшись отомстить за мужа, она преследует бандитов и попадает в плен к Карпечо...

«Матрос Картагю»

Дюрансель, в прошлом старший сержант колониальной армии, и Картагю, бывший матрос, ныне служат в сыскальной полиции и скучают по прежним временам. Внезапно начальство отправляет их в британский Золотой берег с ордером на арест отставного капитана Рене Спардека, выехавшего по

торговым делам в Африку через несколько часов после убийства маркизы де Монсемпло, матери его возлюбленной Марты. Картагю с готовностью едет в Африку, чтобы спасти от ареста Спардека, своего бывшего капитана.

«Едоки песка»

Французский офицер Сезар Равиоли пропал без вести в Пекине во время Боксёрского восстания. Два года спустя его невеста Маргарита решает побывать на месте его предполагаемой гибели, после чего уйти в монастырь. В Китай девушку сопровождают её брат Жак Симьян, учёный-миколог, и его друг Кловис Капелан, бездельник, преуспевший в проматывании наследства. В день их отъезда нотариус получает завещание умершего дяди Кловиса и Сезара, согласно которому его состояние должно быть распределено между наследниками, явившимися к нотариусу в годовщину его смерти, не раньше и не позже. Нотариус немедленно пишет письмо Кловису и приказывает юному посыльному Пастеку вручить его адресату любой ценой. Не застав Кловиса в Париже, Пастек несётся на велосипеде в Гавр и прибывает в порт в момент отплытия судна. На лодке он догоняет корабль, выполняет поручение, но путь назад отрезан. Пастек едет вместе со всеми в Китай. Потерпев кораблекрушение, герои попадают в плен к дикому корейскому племени фо, пересекают Манчжурию, следуют вдоль Великой китайской стены, посещают Лхасу и т. д.

«Последняя кампания Тромпетта»

Учёный-антрополог Илариус Клерфонтен — автор теории о происхождении американских индейцев от древних японцев, якобы открывших Новый Свет задолго до Колумба. С целью сбора доказательств Клерфонтен со слугой Тромпеттом (Трубой), бывшим зуавом, едут в Сан-Франциско, но корабль бросает их на произвол судьбы во время стоянки у побережья Мексики, которая ведёт войну с Францией. Обвинённые в шпионаже и чудом спасшиеся герои вначале пытаются достичь границы Соединённых Штатов, но затем, случайно найдя племянника Клерфонтена Жеральда, похищен-

ного в детстве цыганами, они направляются в эпицентр военных действий, к французским позициям, где воюет отец юноши — генерал Клерфонтен.

«Охотники за бирюзой»

Юный парижский телеграфист Робер Пиль по прозвищу Вырвиглаз, преследуя англичанина, обронившего бумажник, запрыгивает в отходящий поезд. Поражённый честностью молодого человека, мистер Хэблетт, направляющийся с дочерью Мэри в Иран, где расположен его нефтедобывающий завод, предлагает Роберу должность личного секретаря. В Иране Робер узнаёт, что его отец, от которого не было вестей больше года, жив и ищет древний клад бирюзы, чья тайна была доверена ему умирающим дервишем. Едва прибыв на завод, Робер вынужден немедленно броситься на поиски Мэри, похищенной неизвестными.

«Разбойники льяносов»

Молодой инженер Гаспар де Ларанс осуждён к каторжным работам за убийство дяди и отбывает наказание в Кайенне. Но даже кайенский губернатор не верит в виновность заключённого и охотно доверяет ему присмотр за своей дочуркой. Во время пожара в губернаторском доме Гаспар вытаскивает девочку из огня, но сам спасается лишь чудом, уцепившись за якорь пролетавшего воздушного шара. Он подобран в открытом море экипажем торгового судна «Прекрасная Луиза», следовавшего в Кайенну под командованием мужа кормилицы Гаспара и его молочных братьев Андре и Фреда. Не желая обмануть доверие губернатора, Гаспар хочет немедленно вернуться в исправительную колонию. Но его приёмная семья сделает всё возможное, чтобы увезти его подальше от Кайенны. В итоге Гаспар поднимается вверх по Амазонке и достигает Венесуэлы, где и происходят основные события книги.

При составлении биографии Анри Летюрка были использованы следующие ресурсы:

Оцифрованные периодические издания: Journal des voyages et des aventures de terre et de mer, Le Figaro, Journal officiel, Journal des transports, Annales des Ponts-et-Chaussees, Journal du Loiret.

Оцифрованные архивы города Парижа, департаментов Луаре и Жиронда.

Сайты: genfrancesa.com, familysearch.com, visasenborde-lais.fr

В слегка переработанной и дополненной версии эта статья была опубликована в издании: Летюрк Анри. Белый индеец. — Ярославль: Издатель В. В. Мамонов. — 2017. — С. 392-418.

Содержание

Жизнь Луи Буссенара, путешественника и домоседа.....	3
Смерть Луи Буссенара.....	15
Как я нашла «Монмартскую сироту»	26
Монмартрская сирота. Главы 27-28.....	39
Тайна романа раскрыта	53
Луи Буссенар в Муроме.....	60
Анри Летюрк — литературный негр Луи Буссенара.....	68
Тайна Анри Летюрка.....	99